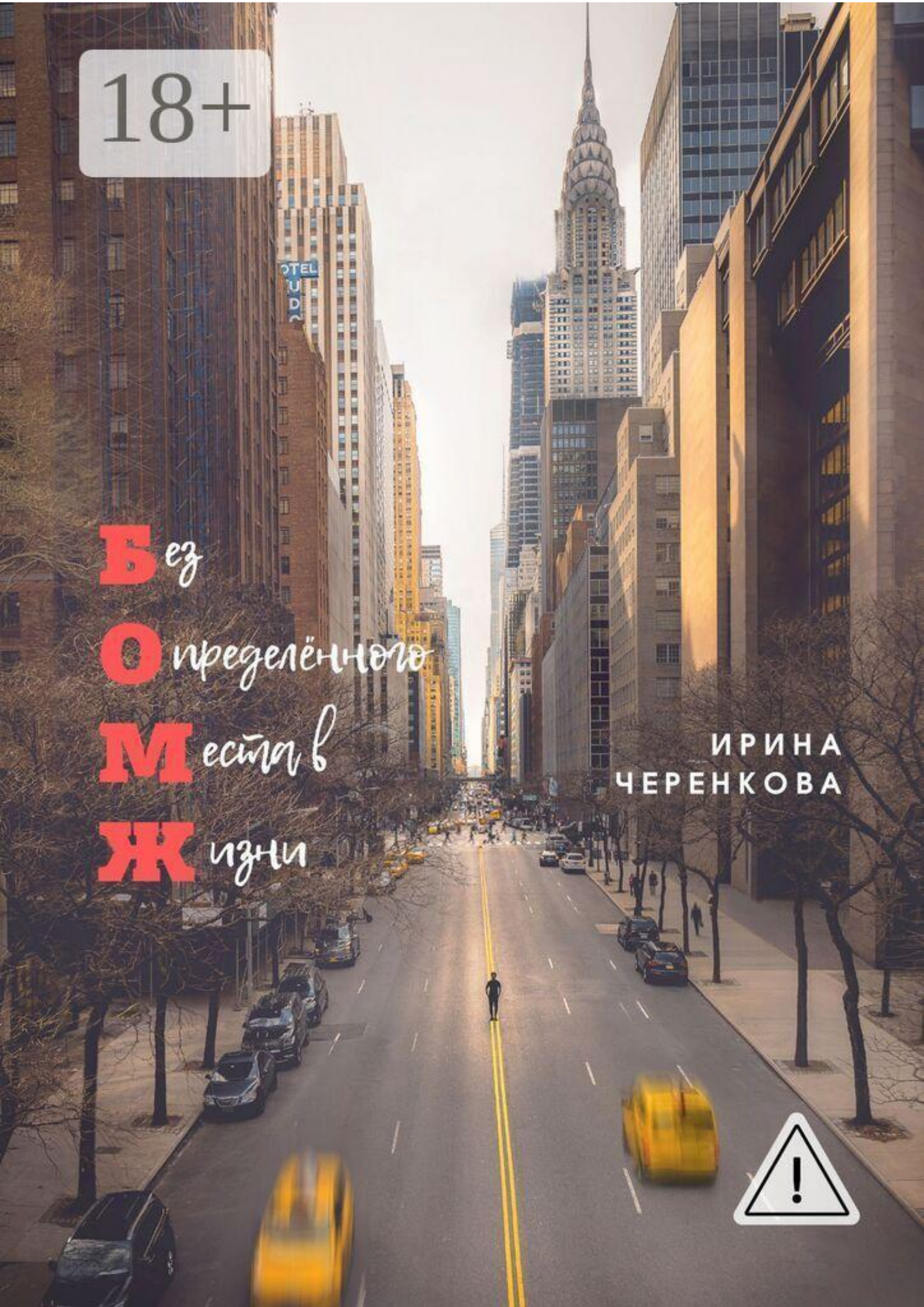

18+
Без
Определённого
Места в
Жизни
ИРИНА
ЧЕРЕНКОВА

Ирина Черенкова

Без Определённого Места в Жизни

«Издательские решения»

Черенкова И.

Без Определённого Места в Жизни / И. Черенкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-563825-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Джонни — обитатель узких подворотен мегаполиса. Он провёл в них много лет.Когда-то его жизнь была иной, но несчастный случай пустил под откос всё, что было дорого, и мужчина оказался на улице.Череда случайных событий и совпадений выстраивает витиеватый путь, который непременно должен привести его к чему-то определённому. А пока он останавливается в точке, когда прошлое вернуть невозможно, а будущее ещё не написано. Состояние абсолютного нуля, где отсутствует время и понимание, как быть дальше.

ISBN 978-5-00-563825-0

© Черенкова И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1 6
День 1 6
День 2 15
День 3 21
День 4 30
День 5 36
День 6 41
День 7 43
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Без Определённого Места в Жизни

Ирина Черенкова

Фотограф Mohamed Almari: Pexels.com

© Ирина Черенкова, 2026
© Mohamed Almari: Pexels.com, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0056-3825-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1
ДЖОННИ УОКЕР

День 1

Джонни просыпается рано утром оттого, что на его лицо капает вода. Не самое страшное событие — протечка крыши, но неприятное. Теперь придётся снова искать плёнку, чтобы укрепить верх, а это в центре Нью-Йорка вещь проблематичная. Он живёт как раз в том элитном районе, где не то, чтобы плёнку найти, даже мусорных баков хороших толком нет. На крайний случай он пойдёт в ближайший магазин электроники, там всегда есть обрывки упаковки, что-нибудь да выклянчит.

А пока он выбирается из-под влажного покрывала и пытается привести жилище в норму: разгребает вещи от протечки и ставит на пол миску, чтобы капало в неё, а не на матрас. В ногах лежбища он находит скомканный и порванный в паре мест, но ещё вполне годный дождевик, накидывает его на плечи и надевает капюшон так, что торчит только нос и клочковатая борода.

Путь недалёк — не более двух кварталов, но проходит он по территории старухи Корнелии, которой Джонни должен два бакса ещё со времён последней совместной пьянки, а он в завязке уже четвёртый месяц. Обходить её логово стоит ему лишних два квартала, а это дополнительное ведро воды на голову с неприветливого в этот сентябрьский день неба. В битве между ведром и старухой, побеждает вода. Потому что от неё просохнешь, а от Корнелии потом не отмоешься.

Спустя десяток шагов, Джонни понимает, что промочил правый ботинок. Он возвращается назад в свой переулок, роется по закромам и находит пучок полиэтиленовых пакетов. После тщательного выбора он снимает башмак и надевает пакет поверх носка. Потом, подумав, надевает ещё один и возвращает ногу в обувь. Мокрые конечности ему сегодня ни к чему. Впереди осень и зима, даже лёгкий насморк может обернуться для него катастрофой.

Пакеты спасают лишь отчасти. Ботинок хлюпает и выпускает из себя потоки коричневой жижи, нога мёрзнет, но он надеется, что носок не промок. Вопрос с обувью встал ребром, а с его неходовым восьмым размером найти подходящую обувь просто и без забот нет никакой надежды.

Он проходит квартал на север, поворачивает направо, и в следующем переулке снова направо, после чего оказывается снова на изначальной улице, но в шести сотнях ярдов от своего жилища.

Джонни высовывает нос на проезжую часть из-за мусорного бака. Чисто. Он на всякий случай заглядывает в него, не надеясь на успех — не в этом районе города. Всё верно, ни плёнки, ни обуви. Зато есть кружка с отколотой ручкой, которая тут же отправляется в карман куртки под дождевик. Он, озираясь, идёт дальше: на чужой территории не полагалось так поступать, можно было очень нехило схлопотать. Но он и так должен карге, так что одной кружкой больше или меньше погоды уже не играет.

Ах да, погода. Этот дождь совсем некстати. Теперь, чтобы починить крышу, нужно сперва её просушить, а когда успокоится этот бодрящий душ с небес, знает один бог.

Джонни поворачивает налево и идёт по пустынной улице к магазину электроники.

— Джонни, мать твою, вонючий поганец! — раздаётся знакомый скрипучий голос за его спиной, и что этой старой грымзе не спится в столь мерзкий час? — Верни мне мои два бакса, грязный боров!

Он прибавляет шагу, почти переходя на бег, оглядываясь на ходу. Карга грозит ему сухим кулачком, но вслед больше не орёт, пугаясь раннего часа. Ещё не хватало загреметь в каталажку за нарушение общественного порядка. Хотя он не против, хоть ботинки просохнут.

Магазин электроники открывается в девять утра. Джонни обходит его вокруг и лезет в контейнер с мусором, располагающийся с чёрного хода. Там обрывки упаковки от мелкой техники, клочки гофрокартона и использованные листы офисной бумаги.

«Если всё это сейчас поджечь, то можно согреться и просушить обувь», — проносится с надеждой у него в голове.

«И схватить условку», — мрачно добавляет другой внутренний персонаж, очевидно, юрист.

— Могу я Вам чем-то помочь? — раздаётся у него за спиной мужской голос.

Для Джонни это так неожиданно, что он от испуга выпускает из рук крышку мусорного бака, и та громыхает об контейнер, отражаясь оглушительным эхом от стен домов в пустом переулке.

— Нет ли у Вас обрывков упаковки от стиральных машин? — спрашивает он, переведя дух, молодого парня, выглядывающего из чёрного хода магазина.

— А Вам для чего?

— Она из плотного полиэтилена. Дождь. Холодно, — произносит отрывисто Джонни и указывает на небо.

— Поищу. У Вас есть чем её закрепить? — интересуется парень участливо.

— К сожалению, нет. А может, у Вас и коробки от холодильника есть? — рискует он.

Парень улыбается и просит подождать его под козырьком входа, чтобы не мокнуть. А когда тот возвращается назад, Джонни не верит своим глазам. Он едва не плачет от благодарности за этот подарок! Молодой человек держит в руках охапку сокровищ: целый неоткрытый рулон плотной стретч-плёнки для упаковки мебели, два мотка скотча, рабочую куртку с логотипом магазина и… Пять баксов!

— Коробок нет, вчера какая-то бабушка забрала всё. Но сегодня к вечеру будут, приходите. Может, и дождь закончится.

— Я Вам очень благодарен! — в эмоциях восклицает Джонни и забирает добро из рук парня, но не жмёт их, зная, что люди не особо-то любят контакты с его контингентом.

Он распихивает по карманам скотч, прячет под дождевик плёнку и куртку, после чего собирается в обратный путь через старухино логово. Теперь ему есть, что ей сказать.

Карги дома нет. Джонни проходит вместе со всем имуществом мимо злосчастного переулка, предвкушая её реакцию на возврат запоздалого долга, но получить удовольствия от изумлённого вида Кошмара Всей Его Жизни так и не удаётся.

Дождь заканчивается, но серое небо не планирует радовать копошащуюся под ним человеческую массу, оно равнодушно висит над городом ватной шубой. Тоскливое утро не отличается ничем от любого другого буднего утра. Улицы заполняются людьми и машинами, город готовится подмять под себя очередную партию ценностей и желаний творить добро, модифицировать их в страх, панику и рвачку за место под солнцем. Автомобили норовят облить прохожих из луж на асфальте холодными струями воды, на что прохожие в свою очередь проклинают вслед уносящийся транспорт. Верещат клаксоны, парят решётки канализационных стоков, хоть градус за бортом и не излишне низок; люди бегут по своим тропам, соблюдая правила встречного движения себе подобных, кричат в мобильники у уха, несут свои многочисленные пакеты и сумки, костюмы и презентации, плащи и зонты. Они тащат свои бренные уставшие обесточенные тела на нелюбимые работы, созданные для того, чтобы эти тела услаждать никому не нужными благами.

Джонни останавливается. Когда-то он был одним из них. Он садится на край скамьи на автобусной остановке, сжимает в карманах простые радости своей жизни, которой, казалось, шла уже не первая сотня лет, и наблюдает.

Спустя пару часов муравейник успокаивается, усадив в офисы своих жителей. На улицах тихо и пустынно до следующего всплеска активности в обеденный перерыв. Тогда тела понесутся восполнять затраченную энергию, выбирая самый эффективный и выгодный для себя путь из сотни предложенных бизнес-ленчей. Джонни встаёт и направляется к своей крыше, которую теперь есть чем чинить.

В своём переулке он первым делом вывешивает сушиться покрывало, которое является единственной защитой его спящего тела от ночной осенней прохлады, со временем обещающей превратиться в ноябрьские морозы. Он помнит, как было сложно без него в прошлые зимы— почти на грани выживания! Сейчас он бережёт его от сырости и плесени как своё главное и последнее спасение в этом мире: даже дом можно заменить, но не покрывало. Затем он прячет новую куртку в ноги лежбища и накрывает её своим дождевиком, который подклеивает скотчем — теперь полиэтиленовый плащ прослужит ещё не один год! После чего решает заняться жильём.

Потолок промок насквозь и немного вспучился, но уже начал подсыхать на сентябрьском ветру. Миска, которую Джонни перед уходом оставлял на койке для проныры-дождя, наполнилась водой наполовину. Он выплёскивает содержимое и возвращается к ремонту: раскатывает две аккуратные полоски плёнки, проклеивает их между собой скотчем и застилает верх коробки из-под холодильника, которым и является его жилище. Укреплять мокрый потолок — дело бесполезное, в идеале нужно подождать, пока он подсохнет, и молиться, чтобы дождь не решил оплакать очередные несбывшиеся надежды горожан. Поэтому Джонни закрепляет полиэтиленовую ленту по бокам и оставляет капитальный ремонт до более сухих времён.

Пять баксов долларовыми купюрами он разбивает на части: два для Корнелии кладёт во внутренний карман куртки, а оставшиеся три — в карман фланелевой клетчатой рубашки. Надёжнее такой упаковки только сердце самого Джонни, которое к тому же ещё и в стальных кандалах, ключ от которых он выкинул много лет назад после её смерти.

Оливия. Он нечасто вспоминает её. Забытое родное имя отзывается где-то в недрах его пустого железного сердца мерзким металлическим лязгом. Он на секунду вспыхивает злостью на судьбу и жизнь, вздрагивая от мысли, что позволил себе опуститься так низко, но лишь на секунду, вспомнив её улыбку, и тут же предпочитает забыть.

Джонни смотрит пустым невидящим взглядом из своего переулка на улицу города, которая снова заполняется движением. Он ползёт, как гипнотизированный, к людям, едва переставляя ноги, обесточенный, выжатый мимолетным воспоминанием, размазанный секундой слабости.

Скамейка на его любимой остановке пуста, как всегда во время ленча. Он, шаркая дырявыми ботинками, тащит на неё своё существо, роняет на край сидения и замирает, тупо глядя на муравейник вокруг. Из стопора его выводит запах жареной картошки в руках проходящего мимо парня. Джонни вспоминает, что ничего сегодня не ел.

Часы с треснувшим циферблатом показывают половину первого. Они — единственная вещь, которую он хранит из прошлой жизни, потому что это подарок Оливии на пятую годовщину свадьбы. После дарения они буквально отсчитали их близившееся к исходу совместное время и треснули в день аварии. Но пока шли.

Двенадцать тридцать. Это значит, что на соседней улице через полчаса начнут раздавать еду. Он, нашедший в себе силы увидеть в этом стимул к дальнейшему движению, покидает свой пункт наблюдения и шагает в том направлении.

Джонни достигает дверей социальной столовой за пятнадцать минут до открытия, он сорок второй в очереди. Ему бы ни за что не пришло в голову считать, если бы не микроско-

пическая картонка в руках с этим номером. Девушка-волонтёр идёт вдоль очереди и раздаёт их всем ждущим, которых с каждой минутой прибывает.

В середине бесконечного хвоста стоят Растаман и Малыш Билли, его хорошие знакомые. Эти ребята живут по понятиям и уличным правилам и никогда не идут против них. Так однажды Билли принёс Джонни подушку, которая оказалась в мусорном баке на его территории, со словами, что по правилам эта подушка принадлежит ему, Джонни. Он, вспоминая эту историю, чувствует укол совести за сегодняшнее воровство кружки у карги. Лучше бы её отдать. К тому же у Джонни полный боевой комплект столовой утвари, к чему ему эта кружка он не понимает, разве что в качестве дивидендов за грязь из уст старухи в его адрес. Он кивает знакомым, но к себе их не зовёт, иначе очередь за такие проделки пустит его на собачьи ошейники. Драки за социальную еду он наблюдал со стабильной периодичностью. Иногда после них приезжала машина скорой помощи без сирены и увозила менее удачливых и менее сильных участников потасовок в последний путь.

Номерки были новшеством в такого рода мероприятиях, но необходимостью в первую очередь для организаторов. Нуждающиеся часто приходили парами или стайками, а когда еды не хватает одному из команды или, что ещё хуже, еды хватает только одному из них, это может закончиться очень плачевно.

Сейчас, стоя под пасмурным небом сорок вторым в очереди, Джонни понимает, что ему повезло. Приди он позже хотя бы на десять минут, он бы мог быть на месте того типа в ста ядрах от него, которому девушка с сожалением сообщает, что номерки закончились, и ему не хватит бесплатного обеда. Тип ноет, канючит, плачет, потом выплёвывает ругательства в лицо девушке, и вот снова плачет. Девушка выдерживает всё это с лицом, полным сожаления, но не сдаётся, убеждая, что его нечем будет накормить. Она сообщает адреса подобных заведений в городе, и хвост очереди после этого типа постепенно рассасывается по другим столовым, понимая, что здесь ловить нечего. Тип очень понуро тащится вдоль очереди, заглядывая в глаза каждому счастливчику ненавистным взглядом. Сегодня его битва здесь проиграна.

Наконец, дверь столовой открывается, обдавая очередь тёплым ароматом еды, и стройная толпа голодных ползёт на раздачу, гремит алюминиевыми подносами о подставочные перила, вдоль которых стоят волонтёры с дымящимися котлами. Сегодня на обед пшеничная похлёбка, рис с бобами, яблоко и два куска ржаного хлеба. Отдельно стоит огромный нагреватель с кипятком, к нему подходы неограниченны. Раздача происходит быстро и слаженно, повара привычными движениями разливают и раздают вкуснейший провиант.

Джонни забирает свою порцию и идёт занимать столик, уверенный, что друзья присоединятся к нему. И он не ошибается: уже возле стола они догоняют его и приветствуют, воодушевлённо обсуждают пищу на подносе и даже смеются. Он рад приятелям, здоровается с ними и в очередной раз поражается слаженности системы: ребята стояли как минимум сотыми, но были обслужены в считанные минуты.

— Как поживаешь, Джонни? Какие планы на вечер? — наперебой тараторят они.

Малыш Билли как всегда радуется жизни. Ему всего около двадцати лет, но опытом проживания на улице он утрёт многих в этом уютно чавкающем помещении. Он выживал, будучи беспризорником, скрывался от полиции подростком, и в итоге не утратил радости топтать асфальт города во взрослом возрасте. Совершенно уникальный в своём роде он заражает оптимизмом всех, кто с ним общается, именно рядом с ним Джонни чаще всего думает о том, чтобы выбраться из этого дерьма. Но к утру обычно эти рвения притупляются.

Его спутник Растаман, в противовес Билли, угрюмый малый. Вероятно, его сделали таким бесконечные проверки на наркотики и облавы полиции, проходящие в его жизни стабильно раз в неделю. А виной тому его шапка в продольных полосках — чёрная, красная, жёлтая, зелёная. Сам Джонни, глядя на весёленький головной убор друга, думает о марихуане, но тот клянётся и божится, что никогда в жизни не пробовал курева, а шапку нашёл в баке на

углу. Возможно, её выкинули именно поэтому. Все знакомые Растамана смеются над ним в голос, но махнуться шапками никто не предлагает.

— Как обычно, — меланхолично отзывается Джонни. — Хотел сходить за коробками от холодильников, мне обещали. Пойдёте со мной?

— Вот это номер, Джон! Ты раздаёшь дома просто так? — хмурится Растаман. — Где обещали?

— Магазин электроники на углу.

— Это территория Корнелии, друг. Она липкая… — кривит лицо Билли.

— Я знаю. Но она ведь не может захватить весь район, я имею право общаться с любым человеком в городе!

— А пойдём! — решается Растаман. — У неё уже и так хоромы из коробок, жадность бабе не к лицу!

— А ты как? — вопрошает у него Джонни. — На этой неделе облавы ещё не было?

Хмурый Растаман хмурится ещё сильнее. В его складке между бровей уже можно зажать купюры и монетки, она не расслаблялась даже в редкие моменты, когда Растаман смеялся.

— Нет пока. Хочешь, поменяемся шапками, Джонни? — в сотый раз предлагает он.

Это уже стало дружеской шуткой.

Приятели едят медленно, тщательно жуя, наслаждаясь каждым куском во рту и тёплым помещением вокруг. По окончании они распихивают яблоки и хлеб по карманам и направляются к агрегату с кипятком. Там на выдаче чая и сахара стоит парень в волонтёрской жилетке и следит, чтобы посетители не наглели и не набивали карманы. Он протягивает каждому по бумажному стаканчику, два пакета чая и шесть кусков сахара.

Уже за чаем Билли рассказывает, что в их кругах сегодня появилась новенькая. Но ничего больше сказать не может: ни откуда взялась, ни в чьём районе живёт.

— Говорят, красивая. Пока. Её видели капающейся в баке в трёх кварталах от нас с Растаманом, там территория Сенсея. Скорее всего, она об этом не в курсе, но скоро ей разъяснят. Надеюсь, ей повезет, и это будет не в очень грубой форме.

Сенсей отличается эксцентричностью. Несмотря на свой внешний вид, по которому кажется, что он уравновешенный преподаватель кун-фу — длинные тонкие седые усы и борода при ещё достаточно молодом лице — он скорее из тех обходительных джентльменов, которые с лёгкостью могут приложить даже красивую девушку. Вероятно, в пару ему идеально бы подошла карга Корнелия, если бы не их обоюдное нежелание считаться с кем-либо, кроме себя.

— Интересно, откуда они берутся? — задумчиво тянет Джонни.

— Ха, Джонни, ты философ что ли? — удивляется Растаман, и у него даже складка между бровей немного расправляется, а несуществующие монетки беззвучно падают из неё на каменный пол столовой. — Вот откуда взялся ты?

Джонни молчит. Он рассеянно болтает плоской деревянной палочкой в бумажном стаканчике с остывшим чаем, предположительно размешивая давно растворившийся сахар.

После обеда, на который столовая обычно отводит час, но по факту получается все два, особенно в холодную погоду, когда лишние десять минут для посетителей могли означать спасённые от обморожения пальцы ног, друзья отправляются к Сенсею в надежде посмотреть на незнакомку. Это увлекательное сравнение «до» и «после», как внешность голливудских звёзд до и после пластических операций, только в обратную сторону. Жутко наблюдать, как люди скатываются, постепенно перестают напоминать себя прежнего. Особенно женщины. Особенно, если пьют. Ведь и карга Корнелия, вероятно, с Джонни почти одного возраста, но внешне годится ему в матери, если не в бабушки. Она очень любит тяпнуть лишнего, а организм, как известно, не вечный двигатель, постепенно приходит в негодность, о чём предупреждает своего владельца внешними проявлениями.

Сам Джонни в своё время заливался горючим несколько лет, пока были деньги. Пока были силы донести тело до маркета и опрокинуть в рот бутылку. Это невероятно прекрасное ощущение сначала обжигающего пойла в горле, а затем ватного мозга и блаженного небытия он вспоминает порой с сожалением, сетуя на нехватку средств. Но сейчас он точно знает, что, появись у него деньги на бутылку, он купит себе обувь.

Они доходят до переулка Сенсея и заглядывают к нему в коробки, наваленные друг на друга за мусорным баком.

— Сенсей, ты здесь? — кричит Билли.

Только у Билли есть отвага и настрой общаться иногда с этим непредсказуемым жителем центра Нью-Йорка. Джонни думает, что ему бы не хватило духу отвоёвывать это элитное пространство у конкурентов, для подобного нужно быть немного дурным и много безбашенным, как хозяин этого переулка.

— Что тебе? — отвечает показавшаяся из коробок косматая голова с серыми усами и бородой.

— Вылези к нам, — зовёт Растаман.

Кряхтя и шатаясь, он вылезает из-под покрывала, предоставляя под обзор гостей свои худые белые ноги, покрытые жидким ворсом и рельефными венами. Сенсей пьян. Он стоит босиком на холодном осеннем асфальте возле своей берлоги, от него разит спиртным так, что можно охмелеть просто находясь в его компании. Все трое мигом понимают, что зря пришли. Он и трезвый-то оставлял неизгладимый след в психике посетителей, а с алкогольным мозгом становился вообще существом из другой вселенной, один бог знал, что он видел и слышал в эти минуты невменяемости.

— Говорят, у тебя была сегодня гостья? — решается на диалог Джонни.

Он немного завидует Сенсею, потому как скучает по этому туману в голове, по отрешённости от реальности и наполненности души убаюкивающим ядом. К тому же, то количество огненной жидкости, которое влил в себя пьяный, хватило бы Джонни и закинуться, и купить новую обувь, если перевести в денежный эквивалент.

— Шта? Которого?

Бородатый шатается, поливая слюной свою длинную, почти по колено, хлопковую рубаху.

— Воровка! — наконец, тявкает он. — Там ботинок. Успел схватить.

Джонни поднимает с земли женский миниатюрный остроносый сапожок тёмно-зелёного цвета на плоской подошве и без застёжек, но с тонкой цепочкой, проходящей по пятке, отчего напоминает ковбойский «казак».

— Ээээ, моё! — рычит Сенсей.

— Зачем тебе? — удивляется Джонни.

Но тут же понимает, что и ему он не особо нужен, но раз уж взял, то поздно сдавать назад.

— Незачем… — махает рукой пьянчужка и забирается обратно в своё логово, мельком продемонстрировав гостям отсутствие белья под рубахой.

Разговор окончен. Гости переглядываются и решают убираться, пока хозяин квартала не вылез снова, но уже с иным настроем. Они выходят на широкий проспект и двигаются в сторону улицы с жильём Джонни, в конце которой им обещали коробки из-под холодильников.

— Что будешь с ним делать? — спрашивает Растаман, кивая на башмак в руках друга.

Джонни о нём уже забыл. Он не знает, зачем забрал обувку, да ещё и у кого? У чокнутого Сенсея! Вероятно, у него на фоне дырявого ботинка и приближающейся зимы появился непонятный пунктик по присваиванию обуви. Он представления не имеет, зачем несёт сапожок к себе домой, но теперь уже выкинуть его будет выглядеть глупо. И чем недоумённей смотрят на Джонни друзья, тем большей решимостью, абсолютно ему не свойственной, он загорается.

— Послушай, Джон, если хочешь, оставь его, — примирительно выставляет ладони Малыш Билли. — Мы просто подумали, что у тебя есть план или потребность в женских ботинках. Не хочешь говорить — твоё право, расслабься.

Джонни смотрит на ребят рассеянно. Насколько он помнит, Билли начинал говорить таким тоном, когда люди огрызаются или ведут себя агрессивно, но это к Джонни не имеет никакого отношения, он растерял свою страсть к жизни много лет назад.

— Я нагрубил? — удивлённо вопрошает он Растамана.

— Не сильно, не парься! Мало ли у кого какие мысли в голове. Видимо, у тебя были очень веские причины забрать его.

Когда друзья проходят мимо переулка с домом Джонни, он отлучается, чтобы спрятать башмак под грудой тряпья, и уже через минуту путь продолжается. Он трогает внутренний карман с купюрами для карги — деньги на месте, совсем скоро давний долг закроется, и у старой грымзы больше не будет повода цепляться к нему. Проходя мимо поворота к её логову, он затравленно оглядывается и осматривает местность в поисках мерзкой хозяйки, но той и след простыл. Что ж, видимо, не время и не место.

Около четырёх часов вечера они подходят к чёрному ходу магазина электроники. Дверь открыта, и возле неё курят трое работников, в одном из которых Джонни узнаёт своего утреннего ангела-хранителя. Тот в свою очередь тоже его узнаёт и, передав другу сигарету, входит в здание несколько раз, каждый из которых выносит по одной огромной коробке из плотного гофрокартона. Джонни душевно благодарит парня, но тот открещивается, де, это мусор, забирает свою на четверть истлевшую сигарету у друга и возвращается к перекуру.

Растаман решает, что ему коробка ни к чему. Его жилище собрано из пластиковых панелей, которые он припёр аж с большой городской свалки в прошлом году, поэтому он лишь помогает Джонни стать обладателем «двухкомнатной квартиры», смеется Растаман над эпитетом. Они несут по широкой улице огромные ростовые коробки, которым вскоре суждено стать новыми домами, рассуждая о бесполезности ремонта картонной крыши, когда неведомая сила заставляет Джонни оглянуться.

В паре десятков ярдов за их спиной Корнелия злобно таращится вслед счастливым друзьям, но молчит, понимая, что силы неравны. Как Джонни не заметил её раньше, он не знает. Но теперь от неё будет смердеть дерьмом ещё и по этому поводу: они фактически украли у неё эти коробки. Джонни немного оседает и сутулится под грузом вины. Он даже подумывает остановить друзей и отдать ей картон, но, вспомнив свою дырявую крышу, решает, что она перетопчется.

— Пошла она! — восклицает Растаман, проследив за его взглядом. — Ей не принадлежит этот магазин!

— Я торчу ей два бакса. Они у меня в кармане, но ты прав. Пошла она!

Поблагодарив друзей за продуктивный и интересный день, Джонни возвращается в свой переулок к двум новым комнатам, которые нужно обустроить. Он в который раз удивляется, насколько позитивно влияет на него бездомный образ жизни: он не только научился ценить дружбу и поддержку людей и радоваться простым вещам, но и начал понимать, что сила людей — в людях. Когда ты сыт, сух, имеешь самку и крышу над головой, ты можешь отречься от родных, послать друзей лесом, можешь нагрубить продавцу, думая, что покупая у него сигареты, ты покупаешь его самого. Ты порой творишь непотребное и ощущаешь затяжную депрессию, излишне запиваешь и занюхиваешь горе, а после этого помышляешь о самоубийстве.

Теперь Джонни, прошедший каждую из этих стадий, просмаковавший каждый оттенок привкуса помоев жизни, знает, что все проблемы человечества в переизбытке благ. Он был слишком сыт, чтобы радоваться еде. Сегодня он точно знает, что выжил лишь благодаря определённым людям, появившимся в нужное время в нужном месте, сказавшим нужные слова. Эти люди, бросившие фразу случайно, среди общего хаоса голосов, скорее всего даже не

думали, что только что спасли Джонни жизнь, дали ему новый виток надежды, отвели от него страх и отверженность. Билли и Растаман лишь одни из этих людей, коих было много за несколько лет.

Хочет ли Джонни назад? Скучает ли по тому сытому, тёплому миру с камином в гостиной, плоским телевизором на стене и микроволновкой на кухне? Вероятно, так надёжней. Но никогда прежде он не был настолько близок к моменту «здесь и сейчас», чем сегодня. Его осознанность да отправить бы по почте в прошлое ему же самому, но за полгода до аварии. Что бы он сделал?

Прочувствовал тепло и влагу её губ во время поцелуя. Он запомнил бы в мельчайших подробностях, каково это — раздевать её вечером после сложного дня, начиная от изящных туфелек на стройных ногах и золотого браслета, который Джонни подарил ей на годовщину свадьбы, заканчивая кружевным бельём, так аппетитно подчеркивающим самые сокровенные уголки тела, доступ к которым, он уверен, был только у него. Он, скорее всего, чаще бы говорил ей добрые слова, меньше работал допоздна и не поехал бы в тот вечер за рулем автомобиля, ссорясь с ней из-за ерунды. Или не из-за неё, теперь уже неважно. На фоне последствий сегодня всё казалось ерундой: нехватка средств, его нежелание становиться отцом — этому всегда было «не время», цвет машины, которую собирались покупать — всё обесценилось в один день. Джонни осознал, насколько равнодушным и эгоистичным мерзавцем он был, лишь потеряв всё.

Он садится на холодный асфальт переулка рядом с истуканами упаковок от холодильников и роняет лицо в ладони. Эти грёбанные воспоминания, которые он пытался пропить все эти годы, снова заставляют его задыхаться от потери. Он смог пропить абсолютно всё, что у него было, кроме них. А ведь он так старался!

Спустя десяток минут он встаёт с совершенно сухим каменным лицом. За столько лет слёз совсем не осталось, лишь зияла от плеча до паха чёрная дыра вместо сердца. Свинцовая плита, которой Джонни пытается закрыть эту дыру, не даёт распрямить плечи, сутуля его некогда красивое подтянутое тело. Какого чёрта ему ощущается это именно сегодня? Он столько лет жил в забытьи!

Ответ проявляется почти сразу, как он находит в себе силы оторвать тело от земли и начать разбирать жилище. В ворохе барахла под матрасом он обнаруживает тёмно-зелёный женский сапожок с цепочкой вдоль пятки, изящный и миниатюрный. Он держит его в руках и ощущает непонятный огонь в своей дыре в груди.

Джонни выволакивает весь свой скарб из старой коробки и, смяв её, насколько возможно, пихает в мусорный бак. Затем он приступает к формированию нового лежбища. Он роняет одну из коробок на бок и прорезает в ней вход уже тупым, немного ржавым в нескольких местах ножом. Скотч, что дал с утра парень из магазина, приходится очень кстати. Им Джонни укрепляет стенки коробки и оклеивает их плёнкой от возможного дождя. Вход он делает меньше обычного: теперь его ноги и вещи, что хранятся под матрасом, надёжно скрыты картоном, находясь в нише. Вторую коробку он ставит сверху, пока не понимая, что с ней делать.

Джонни аккуратно укладывает назад свои богатства: остатки плёнки и полтора мотка скотча, новую куртку с логотипом магазина электроники, подклеенный дождевик, теперь почти как новый, посудный набор из вилок, ложек, ножа, двух тарелок и двух, теперь, кружек, пук полиэтиленовых пакетов, заменяющих ему половину незаменимых в быту вещей, и сменную пару носков. Кроме того, в пакетике лежат его потёртая зубная щётка, похороненная под грудой вещей последние полгода, и одноразовый бритвенный станок, который Джонни очень бережёт для особых случаев, чтобы не затупился.

Он растягивает на полу нового дома успевший просохнуть матрас, кладёт в угол подушку, как раз ту, что когда-то по понятиям отдал ему Билли, забирается внутрь, предварительно сняв убитую вдрызг обувь, и укрывается уже сухим покрывалом.

Испытывая невероятное блаженство от горизонтального положения, благодаря вселенную за сухость и тепло, которыми он располагает в данную минуту, испытывая счастье от череды сегодняшних удач, подаривших ему этот день в том виде, в котором он его имел, Джонни погружается в крепкий сон. Ещё один бесконечный, как мгновение, день его бесценной никчёмной жизни пережит в невыносимом счастье, в чудовищной любви к миру, в благостных несовместимых с жизнью условиях к существованию. И он радуется своему бытию, не желая ничего менять.

День 2

Утро Джонни начинается на рассвете задолго до волны рабочих масс Нью-Йорка, до утренних пробок и клаксонов, до бесконечных человеческих потоков по тротуарам города и даже задолго до первых лучей холодного солнца. Он сверяет свои биологические часы с фактическими и, убедившись, что времени, как обычно, четыре тридцать утра, выбирается из своего нового дома. Голубое небо над головой обещает ясный день, поэтому Джонни вытаскивает постель на просушку ближе к выходу из коробки, но следит, чтобы вещи не вылезали из-под навеса: сентябрьская погода в Нью-Йорке непредсказуемая.

Он вытаскивает пустую пластиковую бутылку из бака — единственный утренний улов на его территории — и направляется к центру города, где в паре кварталов от него есть уличный фонтанчик с чистой водой. Заодно Джонни берёт зубную щётку и сменные носки. Мыла нет, слишком дефицитный товар, но оно и не нужно. Мало кто из его друзей или окружающих людей имеет к нему претензии по этому поводу, потому что если рассматривать отсутствие у него мыла как социальный фактор, то сам Джонни целиком во всём своём проявлении — фактор асоциальный, мыло лишь капля в мировом океане.

Джонни добирается до фонтанчика и, сполоснув бутылку, наполняет её водой. Затем он проводит гигиенические процедуры, какие доступны в его условиях: моет бородатое лицо и длинные волосы на голове, шуршит склочённой щёткой по зубам, которые на удивление для его образа жизни в прекрасном состоянии. Он ополаскивает ступни ног и меняет носки, а грязные отмывает от бурой жижи, коротая всё же просочилась в его нуждающиеся в ремонте ботинки во время вчерашнего дождя. Далее он упаковывает ноги в пакеты, обувается в то, что с трудом можно назвать обувью, берёт бутылку и мокрые носки и направляется к дому.

Между зданиями в некоторых местах уже пробиваются первые лучи солнца, заливая золотом серый мир утренних сумерек. Светофоры выходят из ночного режима и вместо мигающего оранжевого света дарят равнодушным закрытым глазам окон домов переменные красные и зелёные всполохи, будто тренируются перед тем, как появятся первые нуждающиеся в их услугах.

Джонни смотрит на часы с треснутым циферблатом, они показывают половину седьмого утра. Сзади его уже догоняют первые прохожие, дворники метут ещё пустынные тротуары, а по проезжей части с рёвом пролетают одиночные автомобили, радуясь свободным пока дорогам. Совсем скоро улицы заполнятся муравьиным движением — самое желанное время Джонни, которое он неизменно проведёт на любимой скамейке на остановке. Там он чувствует себя живым, в центре событий, будто люди на тротуарах — это молекулы крови в его венах: чем быстрее они бегут, тем более он живой.

А пока он достигает своего жилища и прячет бутылку с водой, которая сама по себе — огромная удача в большом городе. Мокрые носки ложатся сушиться на проклеенной скотчем стенке и, если повезёт, к вечеру будут сухими.

Вскоре с главной улицы между кирпичных стен в его переулок начинает проникать всё нарастающий гул улья города. Джонни убирает все вещи под крышу и спешит занять место в своём любимом кинотеатре жизни под остановочным козырьком. Он садится на край скамейки и растворяется в ритме города, позволяет себе замереть на несколько часов, наблюдая за жизнью других людей, но не своей.

Офисные работники шуршат деловыми костюмами вдоль стен серых зданий, машины встают в бесконечную змею с красной подсветкой стоп-сигналов, реки человеческих масс текут в разных направлениях, соблюдая очерёдность движения. Они шумят телефонными разговорами, стучат по мостовой бесчисленными набойками тонких каблучков, они спешат занять

свою ячейку в муравейнике, в котором заключалось больше жизни, чем в глазах отдельно взятого винтика этой адской машины.

Джонни любит смотреть на толпу, которая, как огромное пятно плесени, является единым живым организмом, разумным, пробивным и вездесущим. Невозможно остановить его в достижении целей. Но одна клетка этой массы, один человек, не представляет для организма большой ценности. Его с удовольствием сожрут себе подобные, отдадут на съедение системе в качестве откупа. А когда ты утратишь возможность быть работоспособной частью пожирающей ресурсы машины, тебя с лёгкостью выплюнут, заклеймят и изгонят из плесневелой колонии, как это и произошло с Джонни. Когда он не смог, упал на колени, ему некому было помочь подняться. И сейчас он — часть тех, кто понимает его, потому что находится в схожих условиях. Они прожили подобный путь и оказались с ним в одной финишной точке, откуда нет возврата.

Попробуй пойти заявить о себе как о части организма! Ты вызовешь в самом лучшем случае брезгливость и отвращение окружающих, а в худшем — загремишь в организацию полицейских клеток-лейкоцитов, которые окружают болезненных и ущербных, изолируют их и пытаются закатать обратно в систему с наименьшими её, системы, потерями. Или же скормить ей, пустить на батарейки и бизнес-ланчи для колонии прожорливых грибов.

Растамана часто шмонали. Столько опыта общения с «лейкоцитами», сколько у него, не было ни у кого из тех, кто приходил к социальной столовой на соседней улице. Но с него нечего взять, кроме полосатой шапки, не за что посадить, чтобы отправить на общественные работы, не из чего выжать силы, налоги или время. А содержать его в каталажке и кормить на деньги налогоплательщиков системе невыгодно, поэтому бедолагу неизменно отпускали. Он даже не успевал согреться или просушить ботинки в тепле, как снова вылетал за дверь.

Джонни забирали всего пару раз: за нарушение порядка, когда они с Сенсеем не поделили найденные пятьдесят центов, и за попрошайничество у открытого кафе на первых порах его уличной жизни. И спроси его сейчас, что он думает о полицейских, он втянет голову в шею, ссутулится и начнёт оправдываться, что он ничего плохого не сделал. Как будто сам факт его существования не был достаточным поводом для ненависти к нему за его бесполезность и омерзительность.

Со временем рой утихает, рассадив трутней по местам, улицы пустеют, освободив от мыслей и голову Джонни. Он выходит из транса, оглядывается по сторонам, оценивая обстановку, и достаёт из внутреннего кармана часы, которые все эти годы исправно ходят, не требуя ни ремонта, ни замены батареек, на что у него никак не сыскалось бы лишнего доллара. Часы показывают полдень, улей сегодня улегся позже на час.

Тяжело и нехотя он включается обратно в реальность. С надсадным вздохом пожилого человека, коим не был, Джонни встаёт с обсиженной скамьи и направляется в сторону столовой, чтобы занять очередь пораньше. С наступлением осени очередь заканчивает формироваться ещё до открытия, потому как всем хочется порции горячего питания и пары часов в тепле.

Он добирается за полчаса и оказывается на этот раз двадцать пятым. Перед ним стоит худой мужчина, которого Джонни часто видит в столовой последние пару месяцев. Мужчина оборачивается к нему и улыбается ртом, усеянным пустившимися в пляс потемневшими зубами:

— Я Фил. А ты Джон, верно?

— Привет, Фил, — отзывается Джонни меланхолично.

— Я тебя тут часто вижу. Почему ты здесь?

— Я голодный, — честно признаётся он.

— Да нет! — смеётся Фил. — Я имею в виду, почему на улице? Выгнали?

— Вроде того. А ты как сюда попал?

— Бизнес провалился, и заложенную квартиру отобрали. Жена ушла после этого, она была не очень. В смысле, жена, а не квартира.

Фил веселится, будто картина краха собственной жизни его развлекает.

— Мне жаль, — сочувствует Джонни.

— Перестань, это забавно. Мне ничуть не жаль, этот мир тоже интересный. Вот подумываю, чем дальше заниматься, а пока — с вами.

Джонни молчит. Наверное, здорово оставить за собой последнее слово и не утратить желания жить, двигаться и добиваться. Как только он начинал желать, свинец в груди плавился, обжигая такой адской температурой преисподней всё его естество, что с жизнью это становится несовместимым. Сбегая от этой боли, Джонни раз за разом предпочитал эмоционально умереть, чем ещё хоть раз посмотреть ей в глаза.

— Хочу пойти в актёры! — разглагольствует новый знакомый. — У меня неплохо получается. Хочешь составить мне компанию? Ты можешь играть спокойного уравновешенного человека, как раз твой типаж. Знаешь, вокруг апокалипсис, мир горит в огне, а ты паришь в позе лотоса в футе от земли и немного светишься. А потом открываешь полные спокойствия карие глаза и смотришь пронзительно на зрителя крупным планом. Что скажешь?

Фил берёт лицо Джонни в прямоугольные границы предполагаемого экрана, сложив окошко из больших и указательных пальцев двух рук и, прищурившись, смотрит на него одним глазом.

— Что? — не понимает тот.

Джонни отвлекается. Он вообще теряет нить повествования, и теперь удивлен, что речь предназначалась ему.

— Идеальная игра! — ликует будущий режиссер. — Ну, так как?

Он улыбается во весь свой кривозубый рот.

— Благодарю. Я пока не думал.

— Подумай, мужик! Это огромные деньги!

Джонни угасает. Он даже не видит смысла в том, чтобы дальше дышать. То есть, понимает, для чего это делают его лёгкие, но сам для себя — не хочет. Конечная цель ему неинтересна. Деньги, общество, не дай бог влюблённость, семья, имущество, которое владеет тобой больше, чем ты владеешь им, любые привязки к миру, людям, стране — всё это потеряло для него смысл много лет назад. Он ни за что не променяет свою свободу на очередные рамки, тем более — рамки из четырёх пальцев этого парня.

Он тянет руку и берёт у проходящей мимо девушки-волонтёра свой номерок, после чего одаривает взглядом друзей в конце очереди, которым тоже досталась крошечная картонка.

Фил не унимается.

— Можно собирать массовки для кинокорпораций, они за это платят отличные деньги! Ты представляешь, собираемся мы все — сколько нас здесь, как думаешь? Сотни три или четыре? — И идём за своими ста баксами чистой прибыли на каждого!

Двери столовой открываются, и голодную толпу впускают в знакомое помещение. Начинается привычный звон алюминиевых подносов, плюханье похлёбки в миски и укладка приборов к обеду.

Джонни принимает свою партию картофельного супа, перловой крупы с куском сливочного масла, апельсина и двух кусков хлеба, и бредёт к пустому столу, зная, что Билли и Растаман вскоре присоединятся к нему. Следом идёт Фил и рассуждает о кинематографии. Он кидает свой поднос с едой рядом с подносом Джонни и продолжает говорить очень позитивно и заразительно. Джонни, наконец, улыбается. Первый раз за последние, пожалуй, лет десять. Ощущение мышц, отвечающих за этот социальный жест, настолько непривычное, что он интуитивно трёт лицо вокруг рта.

— Привет, ребята! — здоровается подошедший сзади Малыш Билли. — Джонни, тебе Мертвец уже рассказал о лёгких деньгах от многомиллионных корпораций для нас всех?

— Мертвец? — недоуменно смотрит он на Билли.

— Фил, — уточняет Растаман. — А Мертвец — это его прозвище. Расскажи, Фил, откуда у тебя оно.

— Я умираю на шмонах, — хохочет тот. — Причём так достоверно, что из раза в раз прихожу в себя голым в морге с номерком на пальце ноги. Потом дают новую одежду, моют и кормят. Это очень удобно!

— И что, ведутся? — удивляется Джонни.

— Ещё как! Я же прирожденный актёр.

Джонни теперь смотрит на нового знакомого совсем другим взглядом: оказывается, тот нёс не совсем кромешную, а вполне себе осознанную чушь. Обвести вокруг пальца медэкспертизу — это очень крутой дар!

— Расскажи поподробней о бешеных деньгах от корпораций для всех нас, — просит вдруг заинтересовавшийся Джонни, а остальные смеются в ответ.

После обеда компания распадается. Фил отправляется на встречу с другом, а Билли с Растаманом решают сходить на городскую свалку, вернуться с которой раньше позднего вечера нереально, поэтому Джонни отказывается от увлекательной прогулки.

Он бредёт по улицам и всматривается в лица людей, вспоминая об уникальности каждого человека, поражаясь, насколько все люди разные и насколько разные задачи здесь у каждого. Второй вечер его неизменно накрывает тоска по прошлому: вчера он вспоминал Оливию, впервые за последние пару лет, а сегодня он пытается воспроизвести в памяти лица других людей из прошлой жизни. Они не доставляют никаких хлопот, скорее равнодушие, как картинки в журналах — вроде бы живые люди, но не имеют к твоей жизни никакого отношения. Родители его и её. Живы ли они? Он не помнит их имени и дат рождения.

Пить он начал не сразу. Острое осознание, что произошло, посетило лишь спустя пару месяцев после аварии. Просыпаясь от одиночества в пустой комнате, он нюхал её духи, листал фотографии, заглядывал в ящик с её нижним бельём. Оказывается, его связывало с ней гораздо больше, чем половина жизни и привычка. Оказывается, ему могло её не хватать.

Впервые он напился в стельку и проснулся под окном ночного клуба спустя аж полгода после её смерти. Это не очень-то вязалось с убитым горем вдовцом, даже родители погибшей успели за это время прийти в себя и смириться с утратой одной из дочерей. Почему он начал пить, Джонни не знал. Но не с горя точно. Решения подтолкнули его на определённый путь, и пошёл он туда сам, осознанно и целенаправленно.

Друзья, которые с ужасом смотрели на распродажу и пропивание имущества, цокали языками и отваливались пачками по мере исчезновения из дома бытовой техники, драгоценностей, автомобиля, а потом и самого дома. Ллойд отвалился на плазме, Джонсоны решили не общаться, когда он продал колье, которое дарил Оливии на пятилетие свадьбы. После автомобиля же, а это спустя почти два года с момента аварии, все её родственники решили, что с них хватит этого выпивохи-вдовца. Последним ушёл с молотка их двухэтажный домик в элитном спальном районе.

Мать заманила его к себе под видом поддержки, где Джонни ждали специально обученные люди от наркологов до психиатров, но отчим предупредил пасынка о засаде. Его пьяные пятки, заплетаясь, сверкали через весь штат. Пока не остановились в пригороде Нью-Йорка в съёмной комнате с клоповым диваном и поломанным чайником, который, кипятя воду для быстрозаварной вермишели, служившей в то время для Джонни основным видом питания, мог закоротить весь микрорайон. Мать звонила ещё некоторое время ему на мобильный, пока не был продан и он, после чего связь с прошлой жизнью утратилась полностью.

Хочет ли он назад? Боже, нет! Эти сочувственно-осуждающие взгляды, вносящие в его душу ещё больший диссонанс, требовалось заливать выпивкой так, чтобы не различать даже светлые пятна лиц глядевших!

Сегодня он не знает ответа на вопрос, почему так сложилась его судьба. Джонни не чувствует, что Оливия была его родственной душой, единственной любовью или неповторимой девушкой. Иначе он не оттягивал бы собственное отцовство, выдумывая какие-то никчёмные причины. Просто они встречались достаточно долго, чтобы упереться в выбор между свадьбой и расставанием. Что он ощутил, когда сам выжил, а она нет? Совсем немного чувства вины, но в основном огромное сожаление и нежелание начинать весь этот путь заново с кем-то другим.

Почему именно сейчас он просыпается? Джонни вполне устраивала та меланхолия, владевшая его душой долгие годы, приятная апатия, останавливавшая его лапки, которые по привычке ещё пытались барахтаться. Он был таким хорошим все эти годы на улице, отсутствующим, пустым и пассивным, приятно вспомнить! Что же случилось?

Краем своего мозга он догадывается, что. Джонни уже в завязке четыре месяца. Заливать это стало нечем, и чувства снова начали тормошить его в моменты одиночества. Когда он остаётся один, когда не нужно заниматься выживанием, как, например, сейчас, мозг упорно тыкает его в собственные изъяны, как котенка в лужу на ковре. Он бы сейчас всё отдал за бутылку виски. Или даже водки. Даже не очень качественной, лишь бы заткнуть течь. Джонни отчаянно не хотел просыпаться.

Он возвращается домой около четырёх. Носки высохли, в коробке тепло от припекавшего весь день осеннего солнца. Спать рано, и Джонни подумывает сходить к карге покаяться и занести долг. Но потом понимает, что не готов слушать её помои. В своём неуравновешенном состоянии он может натворить разных дел, которые старухе будут не на руку.

Выпить бы! Но он знает, что алкоголь ничего не решит. Для таких выводов стоило пропить четверть жизни, продать всё имущество, похоронить всю свою прошлую жизнь и теперь, наконец, догадаться. Более того, спиртное будит одновременно всех его демонов, справиться с которыми со всеми разом он не видит в себе сил: они терзают его сердце, устраивают в голове баталии внутренними диалогами, в которых он, Джонни, неизменно никчёмный урод, виноватый во всех мировых катаклизмах. По результатам таких шизофренических разговоров он хочет заканчивать с этой жизнью. Его начинают манить проезжие части и открытые крыши высотных зданий. Ни на какие другие веселья у него попросту нет денег.

Деньги, точно! Он вспоминает про три доллара в кармане рубашки. Что с ними можно сделать? Их можно проесть: в столовой при службе социальной поддержки можно купить на них три комплексных обеда, причём, более объёмных, чем давали в бесплатной столовой по номеркам, то есть пир горой. Но это недальновидно. Он неплохо живёт и без покупок, оставляя с обеда хлеб на ужин и фрукт на завтрак. Можно пропить, но тоже непродуктивно: этих денег хватит лишь на небольшую бутылочку самого дешёвого пойла. Такое количество алкоголя не заткнёт в голове даже голос его друга Ллоида, читавшего ему заунывные лекции о правильной жизни и считавшего это помощью, не говоря уже о целом хоре остальных «помощников» во главе с его матерью. Он видит её лицо, полное отвращения к нему, и не очень чистую от ругательств речь в его адрес, как тут же в голове всплывает Корнелия.

Так вот почему Джонни позволяет старухе так обращаться с собой! Ради этого вывода стоило не пить четыре месяца.

Самая острая необходимость у него — это новые ботинки, но за три доллара их не купишь. Джонни понимает, что такой суммой не удовлетворить его потребностей в незаменимых вещах, без которых он неплохо жил всё это время, и решает забыть о деньгах ещё на сутки.

Он ложится в свою уютную коробку, закидывает руки под голову и принимается строить планы на жизнь. К слову, планов он не строил со времен комнаты в пригороде с чайником-убийцей. Сколько лет прошло с тех пор, Джонни толком не скажет, он не ориентируется

во времени. Совсем. Он, конечно же, помнит дату своего рождения и даже дату свадьбы, но не более. Он даже не знает, который сейчас год. По ощущениям на улице сентябрь, за которым, как догадывается Джонни, вспоминая календарь той частью мозга, которая не злоупотребляла выпивкой, должен идти октябрь, чуть более прохладный, чем сегодняшний вечер. Но если год аномально холодный, то сейчас смело может быть август, это не имеет для него никакого значения. Так же важности не несёт день недели, потому что в борьбе за выживание и в поиске пропитания нет дат и выходных.

У Джонни своё летоисчисление, состоящее из протекших крыш коробок, сношенных башмаков и прорвавшихся дождевиков. Ему нужны были четвёртые ботинки с тех пор, как он последний раз спал на настоящей кровати.

Поза, в которой он сейчас развалился, вообще не имеет места быть здесь. Она является нерентабельной с точки зрения теплопотерь, слишком открытой для предполагаемых врагов и нападений и слишком беспечной для его возраста и положения в обществе. Она предполагает уверенность в завтрашнем дне, расслабленность тела, здравый ум и, как минимум, чистые подмышки. Джонни усмехается собственным мыслям. Парень, просыпающийся у него в башке, начал его веселить.

День 3

Утром он просыпается от жуткой вони, настолько тошнотворной и удушливой, что Джонни не сразу понимает, что её источник он сам. Он вскакивает с подушки и врезается лбом в картонный потолок, будто с непривычки, после чего на четвереньках выползает из своего убогого логова.

Джонни оглядывает себя с головы до ног, пытаясь понять, что изменилось за ночь, и отчего начало так ужасно смердеть. Джинсы грязные настолько, что с трудом узнаваемы под сухой коркой. Куртка, залитая всеми видами столовской еды, не имеет определённого оттенка, её родной цвет оказывается погребен под слоями похлёбок, подлив и киселей. Все без изменения. Вероятно, за ночь изменился он сам.

Он бранится, едва сдерживаясь от рвоты. Джонни судорожно вспоминает адрес ближайшей социальной службы, где можно помыться и воспользоваться стиральной машиной. В пустой пакет из-под мусора летят подушка и покрывало, носки и новая куртка, которая хоть и неношеная, пахнет так же, как и всё жильё. Он выволакивает матрас на улицу и кладёте на крышу дома сушиться, втайне надеясь на дождь, но даже залповый ливень не сможет выстирать из лежбища то, что составляло его суть.

Проходя мимо мусорного бака, он по привычке заглядывает внутрь, и его-таки выворачивает от ароматов тёплых протухших помоев. Как он вообще мог рыться там? Он возвращается в коробку и берёт с собой пакетик с зубной щёткой и бритвой.

Миновав три квартала на восток, Джонни находит невзрачную дверь социальной службы. Стирка и душ обходятся в полтора доллара за каждую услугу, удивительное совпадение! Как раз три доллара у него и есть.

Джонни берёт прокатное полотенце и лезет отмываться. Он скоблит себя ногтями, намыливает тело порядка пяти раз, а волосы и того больше, но, каждый раз получая при смывании бурую воду, повторяет действия вновь и вновь. Борода жутко чешется. Он находит её длиной аж до середины шеи и принимает решение как минимум укоротить. Джонни останавливается в своём занятии и просто ощущает струи горячей воды на теле, замерев от блаженства. Сколько заняли купания в утреннем душе, он не скажет. Это богом забытое ощущение свежести и тепла, чистоты, надёжности и счастья!

Разобравшись со стиральной машиной, он садится в полотенце на бёдрах смотреть, как внутри вертится его скарб. По окончании стирки в прачечную заглядывает женщина-секретарь, у которой как раз начинается рабочий день. Джонни просит у неё ножницы и решает заняться бородой и прической, сквозь заросли которых едва проглядывает незнакомый ему человек с живыми карими глазами и совсем не опухшим лицом. Он не смотрелся в зеркало, а тем более с такой тщательной оценкой отражения, как ему казалось, полжизни.

Наконец, он снимает с головы и щёк лишнее и остаётся удовлетворён результатом. Машинка сигнализирует об окончании сушки, можно наряжаться в чистую одежду. Оказывается футболка его тёмно-синего цвета с эмблемой марафона города, далее следует мягкая фланелевая клетчатая рубашка с карманом на молнии, куда Джонни кладёт два доллара для карги. Надев носки, джинсы и старенькую куртку, он обнаруживает, что ботинки совсем не предназначены для носки. Обуваться — противно, не обуваться — невозможно. И он снова справляется пакетами, которыми изолирует жуткую обувь от чистых ног в душистых носках. Постель, новую куртку и сменные носки он собирает назад в пакет и отправляется, довольный, домой.

Настолько удачного расхода трёх долларов он даже придумать себе не мог! Как мужчина до этого жил без душа, он не знает, но вдруг понимает, что со слоем грязи и вони с него смылось ещё что-то. Это сам «Джонни Уокер», под которым обнаружился совсем другой человек, которого он предпочёл похоронить очень давно.

Назад Джонни идёт, пританцовывая и насвистывая главную тему из игры «Смертельная Битва», в которую они рубились одноклассниками в старшей школе на первых маломощных компьютерах. Он закидывает на плечо мешок с постельными принадлежностями и, уворачиваясь от прохожих, с удивлением обнаруживает себя в потоке муравьиного часа пик. Он с трудом вспоминает правила, по которым нужно жить и перестраиваться в этих потоках. А ещё ему совсем не хочется сегодня сидеть, замерши, и наблюдать за людьми, но хочется участвовать.

— Эй, осторожней! — кричит он вслед молодому парню, случайно врезавшемуся в его плечо, тот извиняется и бежит дальше.

В потоке он едва не проскакивает свой тёмный невзрачный переулок между двух кирпичных стен домов. Он с усмешкой возвращается назад и замечает, что в его баке кто-то роется. Что за чёрт? Джонни собирается защищать свою территорию, но останавливается и наблюдает за событиями и своими мыслями: во-первых, его тело всё ещё помнит запах из бака и свою реакцию на него, а во-вторых, у бака стоит девушка.

Он подпирает стену и оглядывает незнакомку: тёмные слегка волнистые волосы собраны в растрепавшийся пучок на затылке, голубая джинсовая куртка и пёстрая шифоновая юбка ниже колена, конечно, грязноватые, но вполне модные и современные. Девушка осторожно открывает бак и морщится, принюхиваясь. Но не отходит, а находит в себе силы заглянуть в него глубже. Ей явно не место в этом мире. Он скользит взглядом по её бёдрам и ногам. На правой стопе надета картонная коробка, обтянутая плёнкой, а вот на левой — изящный тёмно-зелёный сапожок без замков, но с золотистой цепочкой вдоль пятки.

Это она!

Сердце Джонни гулко забилось по непонятным причинам. Второй её ботинок был отобран у сумасшедшего Сенсея с изрядной долей адреналина и покоился в его коробке с вещами чуть дальше по переулку, куда она не пойдёт ни за что. Тогда он не понял, зачем вообще затеял этот бестолковый манёвр. Но сейчас всё встало на свои места. Он ждал её гораздо раньше, чем она пришла к нему.

Девушка свешивается вглубь бака за какой-то находкой, но в последний момент оглядывается по сторонам и замечает, наконец, Джонни. Она вскрикивает от неожиданности и отпрыгивает от бака, а потом начинает нервно оглядываться в поисках путей смыться от странного мужчины, пристально наблюдающего за ней смелым открытым взглядом.

— Привет! Что там? — кивает он на бак.

Девушка молчит. Первый испуг проходит, и теперь она заливается краской, смущаясь своего занятия. Вероятно, она принимает его за простого прохожего и теперь пытается скрыть свой социальный статус. На лицо она очень молода, мила и ухожена, совсем не вяжется с уличной жизнью: ясные синие глаза с длинными ресницами, миниатюрный нос и нежные губы складывают в целом такой притягательный образ, что Джонни трясёт головой и трёт лоб, чтобы сбросить наваждение. Он подходит к баку и приоткрывает его, но, вспоминая утренний казус, глубоко не погружается в недра. Не заметив ничего особо ценного, он прикрывает его.

— У меня для тебя кое-что есть. Здесь недалеко. Пойдём? — зовёт он.

Девушка хмурится и смотрит ему за спину, готовая бежать или звать на помощь. Джонни представляет ситуацию её глазами, всё понимает и выставляет примирительно ладони:

— Прости. Я не обижу, постой здесь.

Он проходит мимо неё в переулок к своему жилью, бросает пакет на крышу, а сам лезет в недра коробки и достаёт оттуда правый сапожок. Девушка недоуменно смотрит то на обувку, то на мужчину, после чего отваживается протянуть руку за находкой.

Джонни без резких движений и глупых игр, стараясь не напугать и без того растерянную девушку, протягивает ей вещицу и после вручения делает два шага назад на безопасное с её точки зрения расстояние.

Она недоумённо разглядывает сапог, не понимая, как он мог сюда попасть. Джонни в это время застилает кровать, поглядывая на гостью, и держится подальше, давая ей время привыкнуть к безопасности в этом месте рядом с ним. Наконец, она присаживается на асфальт и отвязывает странное сооружение с ноги, готовая снова стать нормальным человеком в обуви.

Джонни зависает взглядом на её изящной ножке с довольно сносным малиновым педикюром. Она здесь пришелец, совсем не вписывающийся в этот мрачный мир. Её хочется отвести в кафе, а потом прогулять в парке под руку, мило беседуя о жизни, детстве и друзьях, после чего проводить домой и, если получится, удостоиться её поцелуя в щёку на прощание. До него постепенно доходит, что картинки, посещающие его мозг, составляют обычное среднестатистическое свидание. Он усмехается своей глупости и наивности. Теперь он сам кажется пришельцем в её мире свиданий и кофеен. Конечно же, для него это невозможно.

— Хочешь пить? — предлагает Джонни, протягивая ей бутылку с водой и кружку, но девушка отказывается. — А апельсин?

Она осторожно берёт фрукт после долгого оцепенения, чистит его и, поделив пополам, протягивает половину обратно Джонни. Теперь пришла его очередь поражаться. Он так же медленно и осторожно принимает угощение из её рук.

Они, словно два диких зверя, прощупывают границы сосуществования, чтобы быть в относительном комфорте, поедают апельсин, глядя друг на друга, и улыбаются.

— Мне жаль, что ты здесь, это жестокий мир, — произносит Джонни искренне и мягко.

Девушка опускает взгляд, внезапно наполнившийся слезами. Он не знает, что делать в такой ситуации. Будь они в очередном оплачиваемом отпуске на берегу океана, он бы приобнял её, постарался успокоить или помочь, представляя себя рыцарем и спасителем, но сейчас он трезво смотрит на ситуацию. Он сам в бедственном положении и может поделиться лишь тем, что имеет: половиной апельсина, коробкой от холодильника и кружкой с отколотой ручкой. Джонни, оценив погоду, достаёт из пакета куртку с логотипом магазина электроники и накидывает её девушке на плечи.

— Спасибо! — шепчет она, согреваясь.

— Как ты здесь оказалась? — решается на вопрос Джонни.

— Я не помню. Голова болит, — жалуется девушка, потирая затылок. — Хорошо, что жива.

— Тебя ограбили? — предполагает он.

— Не знаю, вероятно, — хмурится она. — А ты? Давно здесь?

— Несколько тысяч лет, — улыбается Джонни. — Если хочешь, могу тебе помогать первое время.

Это очень чревато, о чём Джонни знает. В его мире не в почёте всякие такие коллаборации, когда ты допускаешь поселение своих друзей или женщин на территории, якобы принадлежащей тебе. Соседи могут взбунтоваться, испугавшись силы союза, и поднять восстание вплоть до выселения сожителя. Потому что двое, а то и трое, всегда гораздо сильнее, чем просто один.

— Спасибо! Меня зовут Селина Уилмер, — представляется девушка и несмело протягивает руку.

Джонни пожимает её привычным жестом из прошлого и только потом понимает, что не делал этого много лет. Никто за всё время не изъявлял желания войти с ним в тактильный контакт любого рода.

— Ричард, — отвечает он по привычке.

Почему это имя приходит ему в голову для знакомства с ней, он не знает, но назваться Джонни у него уже нет желания, а значит, нужно придумать что-то другое.

— Ричард?..

— Просто Ричард.

Запахло Чикаго, родителями и Ллойдом тошнотворней, чем из мусорного бака. И он тут же пожалел, что начал знакомство на этой ноте. Он хочет казаться лучше, чем есть? Нет, он хочет бы́ть лучше, чем есть! И Селина это желание лишь катализирует.

— Ты ходила в полицию?

— Да, — тихо отзывается собеседница, но потом срывается на очень эмоциональную речь. — Они меня обижают! Мне нечего им рассказать, я даже не помню, для чего я приехала сюда. У меня чикагская регистрация…

Не-ет, только не Чикаго! Джонни безмолвно ругается отборной бранью.

— … Но зачем я в Нью-Йорке, я не знаю. Мне не на что ехать обратно, денег дать не могут, телефонов по регистрации нет, арестовывать меня не за что, родственники не указаны. Документов тоже нет. Будь я в любой другой стране, я бы дошла до американского посольства, и там бы мне помогли! Но в своей стране я никому не нужна!

Девушка в отчаянии кусает губы и с трудом сдерживает слёзы.

— Мне очень жаль. Если ты ничего не вспомнишь, то ты здесь надолго, — подводит он итог, и девушка горько вздыхает.

— Это абсурд какой-то, будто не со мной происходит!

— Просто нужна цель, понимаешь? Выжить. Вспомнить. Уехать. У кого что. — Джонни смотрит на часы. — Пойдем на обед?

— У вас есть обеды?

— Если выдвинуться прямо сейчас, то есть шанс.

Они идут по частично опустевшим от утренней суеты улицам. Селина вспоминает старика, который отобрал у неё ботинок и напугал её до такой степени, что она теперь всю жизнь будет опасаться пустых коробок. Джонни смеется и рассказывает про Сенсея.

— Зачем ты его забрал? — удивляется она, имея в виду свой сапожок.

— Я не знаю, — честно признаётся он. — Я даже не помню, о чём думал тогда. Мне напомнил, что я всё ещё несу его в руках, Билли — это мой друг.

Они подходят к длинному хвосту очереди и встают друг за другом. Вскоре Джонни замечает Малыша Билли, он топчется впереди на десяток голодных раньше. Джонни забавляет следить за своими мыслями: сначала он хочет позвать друга, потом хочет сходить к нему, предупредив сзади стоящего, что тот отлучится буквально на минуточку, потом он хочет попросить Селину подойти к Билли. А потом он затыкает этого олуха в своей голове. Дилетант! Любой чих в сторону означает, что ты не сильно голодный, и твоё место займут более настроенные на успех. В очереди не стоит даже разглагольствовать с друзьями и уж тем более смеяться или шутить: это расценивается как показатель излишне праздной жизни, толпа мигом выдавит тебя. Ты можешь раскрыть весь свой потенциал общительности лишь тогда, когда твои руки сожмут поднос, полный еды.

Джонни не зря ставит девушку впереди себя: если у неё возникнут проблемы, он узнает об этом первым. Вот эта последняя мысль удивляет его больше всех остальных. Какое ему дело до девушки, о которой он не знает совершенно ничего?

Хотя информация о ней ничего не изменит.

Его жизнь состоит из каждодневной борьбы за право выжить, здесь слабаки вроде неё не справятся — это естественный отбор. У Селины нет шансов продержаться больше двух недель без поддержки уличных старожил. У её истории два пути: либо она вспоминает, либо погибает. Джонни вмешивается в судьбу, спасая её.

Перед Билли в начале очереди стоит Фил, который Мертвец. Хорошая команда соберётся сегодня за столом! Но где же Растаман? Обычно его полосатая шапка делит всю очередь пополам, сияя нереально яркими цветами, которые категорически не хотели хоть малость испачкаться или выцвести и приглушить тем самым повод для внимания к их носителю. Всегда казалось, что стоит Растаман и толпа. Но не сегодня.

Впереди вдоль очереди, мелькая жёлтой курткой социальной помощи, идёт девушка и протягивает крошечные картонки с номерами. Вот она минует Билли, оценивая опытным взглядом нуждающихся, приближается к ним и замирает на Селине.

— Могу я Вам помочь? — спрашивает тихо девушка-волонтёр.

Номерок она ей не даёт, лишь участливо смотрит в глаза.

— Она со мной, — вмешивается Джонни.

Он чертовски рискует, тем более сегодня, когда немного отмылся.

Девушка кивает, протягивает ему две картонки, и идёт дальше вдоль очереди. Высокий парень впереди Селины в тренировочных штанах, белые полоски на которых уже далеко не белые, оборачивается на неё, сверлит взглядом, потом смотрит на Джонни в упор. Он хлопает впереди стоящего в очереди по плечу и бросает ему пару слов. Тот тоже вперивается на Джонни. Волна удивления достигает Билли, он оборачивается, смотрит равнодушно, но дальше весть не несёт.

Джонни выдерживает два десятка удивленных взглядов. Теперь пойдут слухи, а они в уличных кругах никогда не играют на руку. Нет людей, более желающих выжить, чем люди, живущие возле мусорных баков в центре Нью-Йорка, и этот инстинкт в них — основной. Нет никаких друзей, семей или влечений, нет помощи или милосердия. Есть понятия и правила, нарушив которые ты становишься опасным для системы бомжей.

В любой системе такое дерьмо, ты не можешь быть там шестеренкой с иным шагом, ты не подходишь. Тебя сломают, выжмут, заменят, потому что ты угроза для всего механизма.

Когда толпа нашепталась и наоборачивалась, Джонни очень аккуратно, стараясь не привлекать лишнего внимания, вкладывает девушке номерок в ладонь, шепнув на ухо:

— Отдашь на раздаче.

Она сжимает его ладонь в своей на пару секунд в знак благодарности и отпускает, оставив картонку у себя. Умница! Она прекрасно ориентируется в массе голодных собак, готовых растерзать этого кролика, который от наличия ошейника и склоченной шерсти не становится им подобным.

Дверь в столовую открывается, впуская толпу. Селина впереди него ориентируется на остальных и делает то же, что и все, не выдавая себя, будто сама является постоянным посетителем этого места.

Они идут с подносами вперед вдоль столов, Джонни обгоняет девушку, показывая дорогу к месту, где сидит его друг.

— Привет! А где Растаман? — вопрошает он Малыша Билли, ставя поднос на стол и подзывая спутницу к ним.

— Джонни? Охренеть, что с тобой случилось? — восклицает молодой приятель, удивлённый внешностью друга больше, чем его спутницей. — Ты себя видел в зеркало, мужик? Как тебе номерок дали?

— А что со мной? — не понимает тот.

— Ты, чёрт тебя дери, светишься жизнью! — сияет от восхищения и без того всегда позитивный Билли.

— На себя посмотри! — прыскает от смеха Джонни.

Билли улыбается во весь рот, в потом рассказывает, что Растамана забрали в участок на медицинское освидетельствование, потому что на очередном шмоне тот смеялся в голос, буквально ухохатывался, не в силах держать себя в руках.

— Растаман? Он даже улыбаться не умеет. Ты уверен? — недоумевает Джонни.

— Уверен абсолютно! Так же, как и в том, что жизнерадостный парень в чистых джинсах с девушкой за моим столом — тот самый равнодушный и меланхоличный Джонни, втягивающий голову в плечи при слове «коп». Мир сошёл с ума, Джон, и ты тому прямое подтверждение. Познакомишь нас?

Джонни удивляется, как по Билли не прокатилась эта паршивая жизнь. Он всегда вежлив, благодарен и верен своим принципам, улыбчив и дружелюбен, хотя ситуации в его жизни бывали, мягко говоря, разные.

— Селина, это Билли, мой друг. Билли, это Селина.

— Очень приятно, — улыбается ей Билли. — Что за проблемы были с номерком?

— Она новенькая, ты же знаешь…

— Знаю, — хмурится молодой человек, и улыбка на пару секунд уступает место озабоченности на его лице. — Очередь удивилась, ты серьёзно поступил. Будь осторожен, ладно? Это было рисково.

— Брось, Билли, — отмахивается Джонни нервно.

Он и сам знает, что подставился. Слухи обязательно дойдут до таких весомых держателей района, как Корнелия и Сенсей. Проблем в любом случае не избежать, но Билли верно подметил, что мир меняется, куда-то его точно вынесет этими действиями. Ещё неделю назад ему было наплевать на собственную жизнь, а сегодня должно быть дело до мыслей карги? Пф!

Селина перестаёт жевать варёные овощи и глядит на него виновато, но Джонни отвечает ей уверенным и твердым взглядом. Они сидят и молчаливо обмениваются благодарностями, когда за их стол подсаживаются двое.

— Джонни, я тебя узнал только по Биллу! Что с твоей шевелюрой? — восхищается Фил, лучезарно улыбаясь.

— Надоела, — коротко отвечает он.

— Тебе так лучше! Это мой друг, Доусон, — знакомит их Фил с сопровождающим.

Двое усаживаются к ним, подставляя недостающие стулья.

— Привет! — подает голос худой бледный тип с бородой и озорными серыми глазами.

Джонни отмечает, что Доусон вполне себе прилично одет, его обувь крепка, а тело — даже где-то рельефно.

— Доусон у нас бизнесмен, верно? — просит подтверждения у приятеля Фил.

— Гм, не совсем, чтобы прям бизнес, Мертвец, не пали контору…

— Что ты можешь? — спрашивает у Доусона Джонни.

— Могу документы сделать, — после раздумий протягивает бородач.

— Что, просто вот так взять и сделать? — не верит Билли.

— Ну да, полторы тысячи — и корочки готовы.

За столом все смеются.

— Шутник ты, Доусон. Оглядись, где ты находишься, какие полторы тысячи? — заявляет, отсмеявшись, Джонни. — А что ты ещё можешь?

— Могу девочек найти, — отвечает Доусон, сам застеснявшись своего предложения.

— Нет, тоже не то, — улыбается Билли.

— А может, ты знаешь, где денег взять, а? — шутливо предполагает Джонни.

— Знаю, — кивает тот в ответ, и все замирают, переглядываются и откладывают вилки. — Что? Почему вы на меня так смотрите?

— Что ты тут тогда делаешь? — подаёт голос Селина, чем собирает на себе все взгляды за столом. — Я к тому, что у всех здесь беда с деньгами. Если ты знаешь, как их достать, почему бы не достать?

— Действительно, почему? — удивляется Джонни.

— Хотите, достанем. Только нужно будет позвонить из автомата.

Все продолжают еду. За столом негласно начинается общая спешка: все пытаются поскорее доесть и рвануть за своим золотом Аляски, стартовым капиталом для фирмы, вкладом в будущее нации или новыми ботинками на зиму восьмого размера — у каждого свои стимулы.

Они доедают похлёбку и варёные овощи, наспех проглатывают горячий чай, распихивают по карманам хлеб, груши и куски сахара и, спустя четверть часа с момента ошеломляю-

щей новости, стоят впятером у телефонной будки. Доусон входит внутрь, и сквозь стеклянную дверь видно, как он опускает в автомат монетку, факт наличия которой сам по себе говорит о серьёзности человека перед ними. Вскоре, перекинувшись парой фраз с собеседником, он вешает трубку и выходит к ожидающим.

— Всё готово. До места три квартала, — сообщает он, и команда двигается нестройным шагом.

Они доходят до кафе «Уют», типичной забегаловки, в которой алкогольная карта составляет две трети всего меню. Доусон уверенно идёт к занавескам в дальнее помещение за барной стойкой, подзывая всех за собой. Они минуют кухню, поворачивают направо и оказываются перед раскрытыми дверьми управляющего заведением, захлопнувшимися за их спинами.

Спустя время, гружённые, они едут в автобусе по разным местам, только Джонни с Селиной сидят вместе и общаются на отвлечённые темы. Каждому выдают по сумке и два бакса на проезд, озвучив адрес на другом конце города.

Добираются с двумя автобусными пересадками.

По адресу оказывается ночной клуб, дремлющий днём в тишине. Доусон смело идёт мимо охраны, и вся команда двигается за ним, пока не собирается в дальнем от входа помещении. Там они сдают багаж.

Только сейчас Джонни обращает внимание, что язычки молний на поклажах стянуты опечатывающими хомутиками в цвет сумок. Девушка в огромных прозрачных очках на пол-лица и латексных перчатках под присмотром двух амбалов принимает сумки и взвешивает их. После этого отсчитывает Доусону пять сотен двадцатидолларовыми банкнотами, благодарит и прощается.

Ошалелая команда покидает клуб, глядя в спину новому другу. На автобусной остановке Доусон честно делит наживу по сто баксов на нос. Билли присвистывает.

— Что было в сумках? — спрашивает Джонни угрюмо.

— Как вы думаете? — выразительно отвечает вопросом на вопрос Доусон.

Ответ очевиден.

— Твою мать, Доусон, ты в своём уме?! — негодует Фил. — А если бы нас загребли?

— Эй, спокойно! Я был с вами с такой же сумкой за плечами и получил те же деньги! И рисковал с вами одинаково! Вы просили — получите. Или кому-то не нравятся сто баксов?

Все растерянно переглядываются. Это огромные — нет! — космические деньги в их мире! И не важно, что они перевозили — от наркоты до чёрного нала, Доусон прав.

— Спасибо, Вы очень помогли нам! — протягивает руку Селина, на что Доусон оттаивает и, расслабившись, жмёт её.

— Как часто можно это делать? — спрашивает Джонни, чем вызывает волну возмущения в команде, а Малыш Билли отрицательно качает головой.

— Нечасто, — нехотя отвечает связной. — Раз в месяц, может два. Я чаще не обращаюсь.

— Ты крутой, Доусон! — улыбается Джонни.

Команда рассаживается по разным автобусам, и каждый отправляется в свой район.

— Послушай, я не знаю, насколько это тактично — предлагать такое девушке, но… — замолкает Джонни, смущаясь.

Они сидят рядом на сидении в автобусе по направлению к центру города.

— После сегодняшней работы, наверное, уже ничего не может быть аморального, — улыбается Селина, так мало знавшая этот мир.

— Окей. У меня есть ещё одна коробка, мы можем оборудовать её напротив моей, — выдает он, глядя на девушку с надеждой и заботой.

— Билли сказал, тебе опасно меня прикрывать.

— Да пошли они все! — пылит он. — Нет, не Билли. Эти перепуганные недолюдишки со своими правилами. Я справлюсь.

— Спасибо тебе! Джонни.

Девушка смотрит ему в глаза с лёгкой усмешкой. Он никак не комментирует казус с именами, в конце концов, они ничего не значат, равно как и остальные слова. Только поступки мужчины могут обличить в нём мужчину, и ничто иное.

Селина берёт его за руку и прикладывает голову на плечо. Джонни безоружен перед нежностью, которой не наблюдал к себе уже очень долго. Ощущения такие, будто стоишь в радуге, по колено в золоте лепреконов. В этот момент он почти готов положить мир к ногам этой незнакомой девушки.

Автобус привозит их на любимую остановку Джонни, где он не сидел уже целые сутки. Когда-то ему казалось, что пропусти он хотя бы один час-пик, жизнь остановится, и мотор перестанет качать кровь по венам. Но сегодня он с гораздо большим удовольствием проведёт время с ней.

Проходя мимо бака, Джонни вдруг замечает краем глаза, что тот стал немного ниже, всего пара дюймов, но всё же чувствительно.

Теперь стало ясно, для чего нужна вторая коробка. Джонни вырезает в ней небольшой вход для Селины, оклеивает края скотчем и заматывает в плёнку стены от дождя. Он отдаёт ей свой матрас, а себе оставляет два походных коврика, лежащих под ним. Жёстко, но терпимо. Девушка укрывается курткой, отказавшись от покрывала, и они укладываются друг напротив друга. Между ними около пары футов прохода, две коробки из-под холодильника занимают всё остальное пространство, оставляя засыпающим ощущение двух односпальных кроватей где-то в единственном и очень плохом отеле маленького городка.

— Как ты здесь оказался? — вопрошает Селина. — Ты совсем не вписываешься в окружающую картину, слишком много воли во взгляде.

Она лежит под курткой, приподнявшись на локте, и рассматривает его очень пристально. Джонни впервые за долгое время не смущается такого взгляда в свой адрес, более того, он понимает, о чём говорит девушка. Он чувствует, что теперь ему мало такой жизни. Хочется большего. А ещё он ощущает какую-то ответственность за Селину, как это ни абсурдно. Он не знает, какие люди её окружают в той правильной жизни, но теперь он хочет быть её частью, дотянуться до уровня девушки, стать надёжной опорой.

— Разные бывают пути, — отвечает Джонни уклончиво. — Ты ничего не вспомнила?

— Ничего конкретного, только какие-то образы. Я ехала сюда на поезде. В Нью-Йорке я не живу, это точно. Даже не знаю, кто у меня здесь.

Действительно, каша в голове. Она как истинная женщина ориентируется на ощущения и эмоции, которые больше мешают в сложившейся ситуации, чем помогают что-то прояснить. Джонни вздыхает.

— Пойдем завтра за новой обувью для тебя, — улыбается сожительница. — А то старая совсем развалились.

Джонни ужасно смущается такого разговора. Он уже возомнил себя рыцарем в сверкающих доспехах для прекрасной дамы, но совсем забыл, что на ногах у него полиэтиленовые пакеты, покрытые дранью из дерматина и шнурков.

— Да. Хорошо, что сегодня появился этот Доусон.

Джонни пытается сбросить неловкость момента нервным смешком и неоправданными движениями, ёрзая в своём убежище. Вскоре он замирает, ощущая себя безмерно глупо, и делает вид, что собирается засыпать.

— Как ты думаешь, что мы везли? — спрашивает Селина осторожно.

— Полагаю, кислоту, — отвечает он, и девушка кивает.

Она засыпает очень быстро, расслабившись в атмосфере надёжности и понимания. Впервые за эту странную сюрреалистичную неделю Селина может себе позволить просто поспать, без постоянного ожидания беды и нервного вскакивания на каждый шорох.

Джонни лежит и любуется ею. Она моложе него лет на пятнадцать, но, в свете его не очень благостного образа жизни, внешне кажется ещё больше. Он — заросший мохнатый боров, и она — стройная аккуратная девушка, совсем не смотрятся той парой, на которую Джонни надеется в глубине своего закованного в кандалы сердца.

Вообще глупо мечтать, что пары складываются именно так. Куда он денет алкоголика, который живёт в его голове и думает о выпивке, как только чувствует её аромат? Даже самому Джонни справляться с ним крайне сложно, что уж говорить о хрупких женских плечах для такой ноши? И чем он будет заниматься? Возить наркоту? Очень завидный из него получается защитник.

Одно Джонни знает точно. Он много лет сопротивляется тому, что неизбежно с самого начала — он просыпается. Никогда уже он не сможет жить как прежде, тупить на остановке, разглядывая поток живых людей, вместо того, чтобы жить самому, и вжимать голову в плечи от ругательств в свой адрес, вместо того, чтобы отстаивать свои границы. Он не хочет больше рыться в мусорных баках и не мыться месяцами, а то и годами. Проспав треть жизни, Джонни готов брать у этого мира то, что принадлежит ему.

День 4

Утром он просыпается по привычке в четыре тридцать. Селина ещё спит, укрывшись курткой от пят до самого носа, свернувшись в компактный калачик. Джонни умывается водой из бутылки, валявшейся в недрах коробки, и размышляет, что делать дальше. Вообще, что ему делать? Как начать разматывать этот клубок смешной до ужаса жизни?

Сперва нужно отдать долг Корнелии. Пусть она и тварь, но денег он ей должен, и они у него есть. Он зайдёт к ней после обеда.

После этого необходимо легализоваться. Ему нужны документы. Самый простой способ восстановить свою жизнь законно — это пойти в полицию и написать заявление об утере паспорта. Его будут делать неделю. И Джонни нужна регистрация, которая окажется в полицейской картотеке, тогда кто угодно из прошлой жизни сможет найти его. Если ещё ищет.

«Ей, мужик, подумай хорошенько, кому ты там нужен?» — поддаёт ему по зазнавшемуся затылку здравый смысл.

Огромная иллюзия думать, что о нём еще кто-то беспокоится. Обычно волнение об алкашах — это удел женщин, но одна его близкая женщина мертва, а вторая — мать — не принимает его целиком. Ей было за него постоянно стыдно, она пыталась сделать его удобным, чтобы показывать подругам.

Помимо этого, один дурацкий вопрос не даёт ему покоя. На какое имя делать документы? Джонни Уокер уже состарился и лежит при смерти в его сознании, он не готов нести этот силуэт человека в цилиндре с тростью в новую жизнь, где, как он надеется, он не будет нуждаться в услугах этого красного типа. Брюс Уэйн и Питер Паркер уже топчут эту планету своими супергеройскими ботинками, и Джонни не переплюнуть их подвигов со всем его желанием.

О какой же ерунде он думает, понял Джонни, остановив свой внутренний монолог. Как назвать фирму, которая непонятно чем будет заниматься. Эти сто баксов в его кармане больше всего накормили его эго, нежели чем дали надежду на иную жизнь. А он осёл, если думает, что вырвется без потерь. Для такого глобального изменения нужен очень хороший пинок под задницу!

Где-то невдалеке шуршит болонь куртки. Вот он, его пинок.

— Доброе утро! — мурлычет девушка, потягиваясь.

Селина улыбается, будто просыпается не в коробке от холодильника в центре Нью-Йорка, а в обычной кровати обычного дома, где они с Джонни живут семьёй уже довольно давно, планируя совместную жизнь до самой старости. Здесь ему не приходилось встречать людей, которые видели бы в нём человека, делились апельсином или хотели помочь выбрать новые ботинки. Она пришла из другой жизни такая наивная, воздушная и нежная, стала заботиться о Джонни, напоминая, каково это — жить нормально.

— Привет! — тоже не может сдержать он улыбки. — Как спалось!

— Просто восхитительно! — сияет Селина. — Отоспалась за всю неделю. Который час?

Джонни достаёт из внутреннего кармана часы с треснувшим стеклом и хмурится. Он трясёт их, а после этого прикладывает к уху. Нет, ему не кажется. Часы встали.

Он очень рассеянно глядит на бесполезную железку, изжившую себя, оттикавшую удивительно точный отрезок времени, чтобы встать тогда, когда они стали ему не нужны. Он переворачивает их и читает гравировку на обратной стороне: «Любимому мужу на пятилетие свадьбы. 24.09.2006».

— Какое сегодня число? — вопрошает Джонни.

— Не знаю. Но можно узнать!

Селина с завидной лёгкостью выскакивает из коробки и скрывается за углом. Джонни стоит с часами в руках и думает, что с ними теперь делать: продавать или чинить? Деньги есть, но стоит ли игра свеч?

Девушка возвращается немного запыхавшаяся и раскрасневшаяся.

— Двадцать пятое сентября, с ума сойти! — восклицает она. — Я плутаю по Нью-Йорку уже вторую неделю.

— Год? — сипит Джонни, но тут же откашливается и слабо повторяет: — Который сейчас год?

— Две тысячи шестнадцатый! — отвечает Селина так твёрдо, будто это очевидный факт, и только инопланетянин может задавать подобные вопросы.

Джонни оседает на асфальт. Его руки с часами слегка подрагивают, а взгляд становится затуманенным. Она садится рядом и оценивает то, что вызвало его ступор.

— Это твои? — спрашивает Селина, но в ответ ей молчание, всё и так очевидно. — Мне жаль.

И обнимает его. Так просто садится рядом на асфальт, ничего не зная и не понимая, не требуя объяснений или ответов. Джонни задыхается от нежности к ней. Он оценивает свою спутницу и сжимает кулак с часами, приняв решение об их судьбе.

— Они своё отслужили, — сообщает он по большей степени самому себе, после чего встаёт и выкидывает их в мусорный бак.

Селина так и сидит на асфальте, поражённая его жестом. Джонни подходит, помогает ей встать и обнимает её.

— Спасибо тебе! Я теперь знаю, какой год на дворе.

Они выбирают для него ботинки в обувном на углу, чёрные, спортивные, со шнурками и утеплением, строгие, но удобные и необязывающие. К тому же они идут со скидкой. Джонни отдаёт за них тридцать девять долларов и девяносто центов, в который раз удивляясь, для кого делают эти неровные суммы с девятками. Неужели есть люди, которые подсознательно округляют в сторону тридцати?

Они едят по груше на скамейке у магазина и принимают решение пойти помыться. Джонни долго размышляет, чем можно угостить понравившуюся девушку в их условиях, и это не кофе. Он вспоминает вчерашнее блаженство от тугих струй воды по телу, именно этим он и хочет с ней поделиться.

Уже сидя в полотенцах, чистые и счастливые, они глазеют, как в стиральной машинке крутится их одежда. Четыре с половиной бакса за ощущение себя человеком.

— Мне кажется, я знаю тебя всю жизнь, — произносит девушка, глядя на маленький текстильный смерч в барабане. — Разве так бывает?

Он лишь усмехается, вспоминая свои приготовления к их заветной встрече, и обнимает её обнажённые плечи.

— Расскажи, чем ты занимался до того как… — она смущается, не в состоянии подобрать правильного эпитета.

— Как оказался на улице? — помогает ей Джонни, и девушка кивает. — Работал юристом в крупной конторе, был женат, пил пиво по выходным. Обычная серая жизнь маленького клерка.

— И что случилось потом?

Джонни никому никогда этого не рассказывал. Это его личная дыра в сердце, ни один собутыльник не знал его истории.

— Всё сломалось, — отвечает он.

— Она ушла от тебя?

— Она ушла от всех. Умерла.

Джонни поражается, насколько сложно ему произнести это, но насколько легче после, будто он вложил в свои слова всю боль потери, выпустив её из себя. Свинец в груди перестаёт тянуть его к земле, позволяя плечам расправиться ещё немного.

— Мне очень жаль, — шепчет Селина и отводит взгляд, смущённая тем, что полезла человеку в душу.

— Это было давно, — спокойно отвечает он, наблюдая, как обнуляется отсчёт времени стирки на машинке, и она сигнализирует об этом. — Ну вот, новая жизнь начата!

Джонни улыбается, чтобы немного разбавить напряжение, и, открыв дверцу, лезет за одеждой. С охапками сухих тряпок они расходятся по раздевалкам и встречаются свежими спустя десять минут. Джонни надевает новую обувь и чувствует себя вправе считаться полноценной шестерёнкой системы. Понимая, что шаг его шестерней не соответствует общепринятому, он все эти годы думал, что ущербный, и место его именно там, где он прозябал. Но теперь он понял, что ему просто нужна своя система! Это открытие к нему пришло только с Селиной, и теперь он поражался простоте ответа, как он не догадался раньше?

Эти двое улыбаются друг другу в коридоре прачечной, помытые, в чистой одежде и удобной обуви, в тепле, и ощущают какое-то благостное единение. Селина смело шагает к нему в объятия, и он считает абсолютно естественным поцеловать её в этот момент. Джонни ощущает её каждой клеткой своего тела, вспоминает её слова, будто Селина знает его всю жизнь, радуется бесконечному моменту и чувствует, что теперь в радуге они стоят вдвоём.

Задумчивая и раскрасневшаяся, она отстраняется от него спустя целую вечность.

— Пойдем на обед? — зовёт её Джонни, глядя на часы в прачечной.

Счастливые они идут по улице, и Селина держит его за руку.

После поцелуя он чувствует, что жизнь снова перевернулась. Последние несколько дней всё так стремительно менялось, бывало по паре раз на день, что очередной переворот Джонни принимает легко, хоть у него уже и развилась определённая морская болезнь от этих штормов. Ещё неделю назад он не хотел двигаться, и у него текла крыша над головой, а сегодня он принимает решение восстанавливать документы и устраиваться на работу. Он стал ответственной главой их маленькой уличной семьи, и ему это нравилось.

У столовой уже собралась внушительная очередь, когда Джонни, пропустив девушку вперёд, встаёт в голодное построение. Впереди в нескольких десятках человек трясётся от смеха полосатая шапка Растамана, а ещё раньше стоит в засаленной куртке Малыш Билли. Фила и Доусона не видно.

Девушка-волонтёр раздаёт номерки. Её ярко-жёлтая куртка двигается мерно вдоль очереди, а когда приближается к Селине, девушка скользит взглядом по Джонни и без слов даёт его спутнице картонку. Запомнила.

С конца очереди раздаются ноющие звуки. Всегда кому-то не достаётся номерков, на это привыкшие люди уже не реагируют. Обездоленный хнычет и падает девушке в ноги, он пытается её уговорить, потом ругает, словом один и тот же концерт, который Джонни видел сотни раз. Селина оборачивается, нервничает и пытается выйти из очереди, чтобы помочь несчастному. Джонни останавливает её за плечи, возвращает в очередь и говорит тихо на ухо:

— Это бывает почти каждый день, кому-то не хватает.

Она слегка вздрагивает в его руках и вытирает лицо руками.

— Таких столовых в городе сотни, Селина, он найдёт сегодня еду. Всё это ужасно печально, я согласен, — продолжает он, гладя её плечи.

Наконец, она не выдерживает, оборачивается и рыдает в его объятиях. Джонни обнимает её, укрывая от любопытных взглядов, как одеялом, и шепчет на ухо, что ему очень жаль, но такова уличная жизнь.

К тому моменту, когда дверь столовой распахивают, она уже порядком успокаивается, и лишь припухшие слегка покрасневшие веки выдают минуту слабости.

На обед овощная баланда и макароны с подливой, яблоко и два куска хлеба. Джонни несёт поднос к столу, за которым сидят нахмурившийся Билли и ржущий в голос Растаман. Когда они с Селиной подходят к столу, оба друга смотрят на них продолжительно, после чего переглядываются и с улыбками уходят в свои тарелки.

— Что? — не понимает юмора Джонни.

Растаман разражается новой партией гогота, доводящего его до слёз. Он утирается и хохочет, а Билли, сообщает, что они рады видеть их здесь.

— Кто этот парень в полосатой шапке? — спрашивает друга Джонни.

— Я вообще не знаю, кто все эти люди за столом рядом со мной, — улыбается ему Билли.

Спустя довольно продолжительное время смех утихает, а весельчак откашливается и, наконец, здоровается:

— Привет, Джонни!

— Привет! — отзывается приятель. — Куда делся наш Растаман?

— Туда же, куда делся наш Джонни! Они покинули нас, друг, дав взамен что-то более стоящее.

— Они его чем-то накачали? — интересуется он у Билли.

— Нет, Джон, он прав. Так всегда бывает, — подтверждает их молодой друг, а потом обращается к девушке: — Ты как, Селина?

— Я в порядке, понемногу вспоминаю, — отвечает она скромно.

— Вот как? Расскажешь? — удивляется её спутник.

С утра она не проронила ни слова, а он и не спросил, опрометчиво погружённый в свои мысли и чувства.

— Я ехала к отцу из Чикаго, но он не в Нью-Йорке, — сообщает Селина.

— Больше ничего?

— Всё.

Сердце Джонни отбило барабанную дробь на границе их отношений, которые едва успели начаться. Он готов ехать за ней даже в чёртово Чикаго, главное, чтобы она позвала. В её «всё» прозвучало нечто большее, чем просто часть диалога, в нём слышалось отчаяние и потерянность по жизни. Она вспомнила гораздо больше, чем могла рассказать, это чувствовалось. Но когда?

Он смотрит на неё встревожено, но Селина не отрывается от тарелки с едой.

Растаман снова хохочет. Что ж это такое-то?

— Да, расскажи уже! — не выдерживает Джонни, сливая на Растамана скопившееся напряжение.

— Джонни, жизнь весёлая штука! Радуйся тому, что имеешь прямо сейчас, потому что завтра всё может измениться, — гогочет тот с набитым ртом.

Селина глядит на него и, наконец, улыбается, отчего он вздыхает и расслабляется. Растаман прав.

— Окей, философ! Как тебя зовут? — решается Джонни на то, чего не мог сделать, но очень давно хотел.

Растаман затихает и сдвигает брови назад в складку, обдав всех сидящих за столом незабываемым прошлым, шлёпающим за ними по пятам, какой бы лучшей жизни они не желали. Он сверлит вопрошающего взглядом, после чего снова усмехается и отвечает:

— Бенджамин Нортон. Твоя очередь.

Малыш Билли замирает. За столом проходит нечто вроде клятвы кровью, такая же редкость в их мире, которой не имелось места.

Джонни напрягается, потому как вынудил человека сделать шаг, на который сам не готов. Зачем он спросил? Что это меняло? Он нервно смеётся в ответ, не находя слов.

— Давай, Джонни Уокер! Соберись с силами, мужик! — подначивает Растаман.

— Не нужно всё это, — окончательно сливается Джонни, показывая, что разговор окончен.

— Ребята, брейк! Вы чего сцепились? — пытается примирить друзей Билли, не на шутку испугавшись за них.

— Прости, я зря, — бормочет Джонни.

С Растаманом ссориться он не хочет.

— Да ладно, мне всё равно. Ты это начал! — смеётся тот.

За чаем обстановка, наконец, возвращается в привычное русло. Растаман рассказывает, как на шмоне ему стало щекотно, и он совершенно естественным образом засмеялся, а копы увидели в этом признак накуренности. И чем больше они сердились на это, тем смешнее было. В итоге его повезли на экспертизу, а, в силу того, что это был поздний вечер, ему удалось совместить её с ночью на мягком матрасе в тепле, утренним больничным душем, завтраком и обедом. Вообще, всё это больше напоминало курорт с трёхразовым питанием и оздоровительными процедурами, который он получил в подарок по нелепой случайности. И Растаман понял, что он всё это время в корне неверно относился к жизни, ненавидя свою участь, судьбу, шапку, в конце концов. Он теперь ни за что её не снимет и не променяет на другую.

Друзья весело встречают такую историю, радуются за него, и, допив чай, выходят под солнечное сентябрьское небо. Джонни сообщает, что у него важные дела, забирает с собой девушку и в полном изумлении собственным действиям направляется к Корнелии отдавать долг. Он всю дорогу напряжённо молчит, отчего Селина не выдерживает и спрашивает, не сердится ли он на неё.

— Не сержусь, — сообщает он, взвесив диалог в столовой, о котором уже успел порядком забыть, а теперь снова вспомнил, но уже с меньшими эмоциями. — Я принял решение к большому шагу в жизни, сейчас мы идём к его началу. И я рад, что ты рядом.

Теперь приходит пора нервничать девушке: он говорит загадками, но отводит ей в неизвестной сцене ключевую роль.

Они приближаются к переулку, похожему на закуток Джонни, но шире и с двумя мусорными баками, стоящими по обе стены от входа. Он заглядывает между ними и зовёт Корнелию. Слышится шорох от одной из коробок, обтянутых пластиком, и из-за плотной шторки выглядывает голова женщины в тёмных всклокоченных волосах. Её тусклое сухое лицо с ярковыраженными мимическими морщинами вытягивается в недоумении, когда она встречается взглядом с Джонни.

— Что нужно? — вопрошает карга почти что вежливо.

Она с интересом рассматривает мужчину в чистых джинсах и куртке, широкоплечего с гордой волевой осанкой и свежей удлинённой стрижкой. За его спиной стоит очень красивая молодая девушка, хорошо одетая и ухоженная. Их объединяет что-то невесомое, какая-то связь, которая Корнелии как женщине ярко бросается в глаза, но та не сможет объяснить её, даже если захочет.

И тут она узнаёт его, хоть это было и невероятно!

— Джонни Уокер?! — в изумлении шипит она, словно чёрт от святой воды.

Мужчина стоит невозмутимо, с готовностью держать оборону, и на её пренебрежение отвечает лишь мимолетной тенью в выражении глаз. Карга на секунду пугается его жёсткости и воинственности, глядит на девушку и всё тут понимает.

— Я слышала о твоих изменениях в жизни, — скрипит она горловыми связками, сощурившись. — Нужно быть безумцем для таких поступков, Уокер!

— Я не каяться пришёл, Корнелия.

— А лучше бы каяться! Потому что тебе жить в этих районах дальше, не в твоих интересах ссориться со мной!

Она нервничает и бросает ему вызов от страха, нападает, как маленькая собачка на бегемота, потому что не знает, чего от него ждать. Корнелия слышала о девушке, слухи — довольно быстрая субстанция в их мире, но не поверила и отмахнулась, а теперь видит всё своими глазами. Уокер стал опасным типом для соседа.

— Ты мне угрожаешь? — тихо спрашивает он.

— Ты знаешь правила! — выплёвывает она свою ненависть вместе с изрядной долей слюней, эмоционально взмахнув руками. — Какого чёрта ты приволок сюда эту дрянь?

Джонни старается потушить огонь гнева, но не выходит. Он хватает обидчицу за горло и прижимает к стене. Она хрипит, пытаясь соскрести грязными когтями его руки, отрывая их от своей тощей шеи, но тягаться с таким вулканом не в её силах. Её тонкие сухие губы начинают приобретать голубоватый оттенок, когда Джонни сквозь пелену ярости слышит близкий голос:

— Ричард, не нужно! Перестань, пожалуйста!

Он включается и с брезгливостью бросает на асфальт обтянутые кожей кости, которые держит в руках. После чего открывает карман фланелевой рубашки и швыряет к ногам кашляющей карги два смятых доллара. Только что он перешёл грань, одним движением бросив вызов всему дерьму Нью-Йорка, пошёл ва-банк. Теперь либо он будет диктовать условия, либо система его выжмет. Снова.

Ему всё равно, какой будет исход. Более того, в противостоянии этой старой твари, которая годами поливала его грязью и пила кровь у всего района, он испытал заметное удовольствие. И, хоть поднятие руки на женщину не делает из тебя мужчины, здесь он снова обретает уверенность в своём теле, чувствует себя защитником личных границ.

Несмотря на позитивные изменения, Джонни трясёт. Они идут два квартала до коробок, заворачивают в переулок и останавливаются за мусорным баком. Селина молча наблюдает за химией в его теле, а наблюдать есть за чем: челюсть напряглась и выдавила без того острые скулы, кулаки сжались так, будто он идёт на войну со всей вселенной, вся его сущность стала воином. Она не видела его таким никогда. Да что уж там, он сам не думал, что в нём живёт такое существо, соседствующее с его алкоголиком.

— Прости, — выдыхает он, когда снова в состоянии взять себя в руки.

— Что теперь будет? — спрашивает девушка встревожено.

— Я не знаю.

Джонни ни разу не лукавит, он представления не имеет, чем обернётся его минутная слабость. Он даже не знает, насколько безопасно засыпать теперь в этих коробках. А ещё он переживает, что напугал Селину настолько, что она предпримет шаг не в его пользу, особенно на фоне последних воспоминаний.

Он тяжело вздыхает. К чёрту всё, терять уже нечего. Он шагает к ней и обнимает, укрывая от всего мира, а в ответ чувствует такие же крепкие успокаивающие объятия, будто шепчущие: «я всё равно с тобой». Джонни целует её в макушку и обретает ещё большую уверенность в своих аморальных действиях. Он опять идёт против системы.

Простояв так несколько звёздных циклов, они находят в себе силы разъединиться и начать укладываться спать. Тревога не покидает их лиц и сердец до самых сумерек. Наконец, она целует его перед сном и забирается в своё картонное пространство, протянув ему руку. Джонни берёт её хрупкую ладонь в грубую свою.

— Всё будет хорошо, я обещаю, — шепчет он.

Девушка находит в себе силы грустно улыбнуться, желает добрых снов и прикрывает веки. Он готов не спать всю ночь, охраняя её сон, и для этого, собственно, не требуется никаких усилий: адреналин не даёт сомкнуть глаз. Лишь на рассвете он понимает, что проваливается в небытие, но когда он просыпается от первых лучей утреннего солнца, её коробка оказывается пуста.

День 5

Джонни вскакивает одним махом и выбегает из переулка, озираясь. Пусто. Только дворник ярдах в трёхстах тоскливо шуршит метлой. Он возвращается в проём между домами и бежит до глухой кирпичной стены в конце переулка, на которой на уровне его носа начинается пожарная лестница. Селины нигде нет. Наконец, он подходит к её коробке и трясущимися руками перебирает в ней вещи, боясь найти хотя бы каплю крови. Чисто. Но его куртка, в которой девушка ходила все эти дни, сложена очень аккуратно и лежит под навесом картона на самом выходе.

Это могло значить только одно: она ушла сама. Навсегда.

Набегавшись по всем знакомым местам от фонтанчика до прачечной, он укореняется в выводе, который был очевиден ещё в первые минуты после сна. Джонни не может поверить, что она ушла так: молча, без прощаний и без объяснений. Он сидит в трансе, вперившись взглядом в её пустую коробку, чувствует, что она неравнодушна к своему решению, всем телом ощущает, как она мечется, собирается, снимает и складывает куртку, возможно, хочет поцеловать его на прощание, но боится, что не уйдёт, если он проснётся. Он даже ощущает сейчас, как Селина сидит в такой же позе и смотрит на него спящего.

Может, она испугалась Корнелии? Нет, иначе она ушла бы ещё вчера вечером. Джонни чувствует, что она была вынуждена уйти! Он оправдывает её, строит предположения, пытается разгадать этот абсурдный ребус.

Всё утро он проводит в коробках с надеждой на её возвращение, которого, он уверен, не произойдёт. И он оказывается прав.

К обеду измученный мужчина направляется в столовую. Это последнее место, куда Селина может прийти, но и здесь он не тешит лишних иллюзий. Однако всё равно, стоя в очереди, он вертится и озирается. Сзади мелькнули Билли и Растаман, через пару человек от них пристроились и Фил с Доусоном.

Вот идёт девушка с номерками. Она окидывает Джонни сочувствующим взглядом, или ему уже кажется, даёт ему картонку и двигается дальше. В конце построения очередной концерт злобного голодного, которому не досталось номерка. Он поливает девушку ругательствами и проклятиями, она сожалеет, протягивает ему бумажку с адресами ближайших подобных столовых и идёт назад.

Всё, как и до Селины, и с ней, только теперь без неё.

Тип бежит за девушкой и льёт помои в её адрес, даже хватает за руку, на что девушка испуганно оборачивается и идёт быстрее. Когда процессия равняется с Джонни, он выставляет руку из очереди и хватает матершинника за грудки.

— Оставь её, она не виновата в твоей беде! — рычит он.

Тип оседает, подогнув худые коленочки, извиняется перед Джонни, перед девушкой, перед всем миром, божится, что ничего плохого не хотел, просто голодный. Джонни отпускает его. Почувствовав почву под ногами и свободу в воротничке потрепанной куртки, тип отходит на безопасное расстояние и продолжает лить грязные ругательства, но на этот раз на Джонни. Тот не сопротивляется, он согласен с каждым сказанным в его адрес словом.

Девушка уже скрывается за дверью столовой, а едкий тип всё так и идёт за пронумерованными, пока вся очередь, включая Джонни, не оказывается в тёплом помещении за закрытой дверью.

На обед сегодня пшеничная похлёбка и отварной рис с овощами, апельсин, который вызывает у Джонни очередной приступ ностальгической паники, и два куска хлеба. Он несёт поднос к пустому столу и буквально падает на стул, опустив голову в руки.

Подходят Билли и Растаман, молча садятся рядом. Друзья принимаются за еду, мерно брякая приборами, молчаливо поддерживая страдающего влюблённого.

Вскоре присоединяются Фил с Доусоном. Они шумно шутят и переговариваются, пока не попадают в напряженное пространство их стола, возле которого, оценив обстановку, замолкают. Недоумённо переглянувшись, они спрашивают у жующих друзей жестами о причинах скорби и, получив неопределённое пожатие плечами, тоже молча садятся за стол.

Наконец, Джонни поднимает голову и осматривается. Его взгляд чистый и позитивный. Он принимает решение, в какую цену оно бы ему не встало.

Девушка-волонтёр подходит к их столику с тарелкой, на которой лежит дюжина оладий с джемом, и сердечно благодарит Джонни.

— Ого, да ты местный миротворец и защитник женщин! — поражается Фил.

— Насчет женщин ты зря, пообщайся с Корнелией, — устало отзывается он.

— Как ты, Джон? Поделишься с нами? — спрашивает Билли.

Он рассказывает за едой вкратце истории о карге и Селине. Друзья переглядываются. Их Джонни никогда уже не будет прежним, и это закономерно, потому что та сомнамбула, которая таскалась в его оболочке последние годы, начала умирать уже давно, примерно с полгода назад, когда друзья заметили всплески активности в его поведении.

— Если нужна будет помощь, я с тобой. Эта старая тварь задолбала половину города, — сообщает вполне серьёзно Растаман, собрав на себе изумлённые взгляды.

— И я, — присоединяется всегда миролюбивый и уважительный ко всем Малыш Билли.

— Джонни, я кулаками махать не буду, но поддержу любые твои начинания, — поражает его больше всех Доусон, которого он видит второй раз в жизни. — Сегодня есть работа на стройке на полдня, платят по семьдесят баксов на нос. Это, конечно не так легко, как возить сумки, зато законно. Вы как?

Вся команда с удовольствием соглашается. Они отправляются на автобусе на окраину Нью-Йорка, где располагается строительный объект. Силовая работа — это именно то, что Джонни нужно сейчас больше всего, поэтому вместо сортировки мусора он просится на разгрузку строительных материалов и получает за это к вечеру чистую от дури голову, проснувшиеся и ломящие мышцы рук и девяносто долларов вместо семидесяти. После трудов и сборов Джонни подходит к бригадиру и просится на постоянную работу. Тот крепко задумывается, но частично соглашается.

— Давай так, если ты приезжаешь, мы найдём тебе работу, но если нет, то не ждём, потому что оформить тебя без документов не сможем.

Это именно то, что ему нужно. Он берёт телефон прораба (непонятно для чего) и обещает быть завтра к восьми утра. Такой свободный график прекрасно отвечает его планам. Единственным минусом работы на стройке оказывается вечерний жор, не затыкаемый двумя кусками хлеба, оставшимися с обеда. Его друзья солидарны с ним, и вся команда направляется в эконом-столовую в центре, где за два доллара можно получить сочный обжорный ужин.

— Все проблемы от баб, — восклицает за ужином Фил, набивая рот провиантом. — Когда от меня уходила жена, я тоже был безалаберным балбесом. То-то она обалдеет, когда у меня будет своя киноиндустрия!

— Мертвец, ты вечно перегибаешь, ну какая индустрия, а? — смеётся Растаман.

— Ну, какие проблемы от баб, а? Зачем мы тут нужны без них? — возмущается рассудительный Доусон.

— Получается, из того, что ты сказал, правда только в том, что ты — безалаберный балбес, — подводит итог Джонни.

Все смеются.

Вилки весело брякают об посуду, а дружное чавканье друзей ощущается уже для Джонни родным. Счастье от набивания пуза едой возвращается в его бренную жизнь, а он только понадеялся, что освободился от зависимостей.

— Как ты думаешь, куда она поехала? — выдергивает его из размышлений Билли.

— Думаю, к отцу, она же говорила, — отвечает Джонни. — Доусон, у тебя нет связей в полиции? Возможно ли её найти?

— Связи есть. Но искать — дорогого стоит, тебе придётся пахать на стройке не одну неделю.

— Понял, буду пахать, — кивает в ответ страдалец.

— Ты уверен? Неужели она та самая, единственная и неповторимая? То есть, она ведь не зря сбежала, значит, не твоя! — пытается предостеречь его Растаман.

— Какая тебе разница, какой у человека стимул для движения вперёд? — одёргивает его Билли, печально улыбнувшись брошенному влюблённому.

— Спасибо вам за поддержку! — произносит Джонни. — Да, я не надеюсь, что она будет рада меня видеть. Но Билли прав, такой стимул для движения тоже неплох.

Вечером Джонни рассуждает, как быть дальше. В его кармане мирно покоятся сто тридцать девять долларов и шестьдесят центов, невероятные деньги для него! Можно снять койку в ночлежке, но с учетом контингента, который снимает остальные сорок коек в помещении, его коробка в переулке окажется люксовым номером в этой же самой ночлежке. Тем более, может вернуться Селина. Он даже не разбирает её коробку в бесплотной надежде на это.

Он мирно идёт к своему переулку и только на третьем лице с испуганными глазами, уползающем в недра коробок за мусорными баками, Джонни понимает, что уличные жители теперь его боятся. Через два квартала располагается конура Корнелии. Что его там ждёт? Конвой из наёмных по двадцать центов на нос самых отвязных головорезов его мира? Ещё не поздно послать всё к чертям и повернуть в ночлежку. Или свалить в другой район, менее элитный и населённый, ближе к стройке, где он завтра должен быть. Можно ещё откупиться от карги, но тогда этот процесс грозит стать бесконечным, к тому же он не чувствует за собой вину для откупа. Джонни вспоминает Растамана, у которого наверняка нашлась бы лишняя коробка для друга, но подставлять его так сильно он не хочет. Джонни сам заварил всю эту кашу, ему самому и расхлёбывать.

Квартал до дома старухи.

«Твоя сила там, где твой страх, Ричард!» — говорил его дед по матери, которого он уже едва помнит.

Он останавливается у входа в переулок и смотрит на её жилище, а потом решается пройти между двух мусорных баков. Занавеска на входе вздрагивает и замирает.

— Выйди, я с миром, — произносит он.

Карга, скрюченная и затравленная, высовывается из коробки и зырит на него злобным взглядом.

— Я не боюсь тебя, Уокер! — трясётся она.

Джонни присаживается на уровень глаз женщины. Он впервые в жизни видит в ней глубоко несчастного испуганного человека, за которого некому заступиться. Какой ценой даётся ей держание района в страхе и ненависти? Он сверлит её мягким сочувствующим взглядом долго, пока она сама не отводит головы, оголяя под воротником затёртого пиджака свою шею с синими разводами от его пальцев.

— Послушай, мне очень жаль, что ты живёшь такой жизнью, Корнелия. Мне жаль нас всех, но тебя — особенно, потому что ты — женщина. Тебе бы растить детишек и кусты сирени за городом, а войну оставить для мужчин.

Она вылезает из коробки и хочет начать привычный грязный диалог, но, увидев в его глазах тепло и сострадание, не может.

— Ты ведь не старая, Корнелия, мы с тобой почти ровесники, — продолжает он. — Будь у тебя другая жизнь, ты была бы красивой ухоженной женщиной.

Корнелия вздрагивает, как от пощечины. Сперва распрямляются её озлобленные на весь мир морщины, расслабляется тугая многолетняя яма между бровей, потом лицо покрывается непривычными для него складками, глаза наполняются слезами, и бедная напуганная губительница душ начинает рыдать.

Джонни рядом выслушивает её скопившиеся за много лет горькие слёзы страха, отчаяния и одиночества. Он обнимает её за плечи, утешая, и Корнелия зарывается в его куртку лицом, содрогаясь и всхлипывая. Наконец, она отстраняется от него и отворачивается, стыдясь своих слёз.

— Это ничего не значит, Уокер! — говорит она тихим голосом, совсем не скрипучим.

— Если тебе нужна будет моя помощь, любая, ты знаешь, где меня искать.

Он гладит её по тощей спине и оставляет причёсывать своих демонов в одиночестве.

Стемнело. В городе потихоньку начинается ночная жизнь: включается подсветка витрин магазинов, фонари жёлтым светом заливают проезжую часть, загораются неоном входы в ночные клубы. Джонни впервые идёт домой так поздно. Он спешит, потому что завтрашний день обещает быть длинным и продуктивным, необходимо выспаться.

Он заворачивает в свой переулок, проходит мимо бака, и мир внезапно наполняется яркими звёздами с гулким ударом кулака по его лицу. От неожиданности он не понимает, почему заныла челюсть, а во рту появился привкус металла, но тут из-за бака выходят трое. Джонни пытается оценить обстановку. Он трогает лицо — удар слабый, так себе головорезы. Но второй тип оказывается проворнее других и бьёт чем-то твёрдым, в чём Джонни по звуку узнаёт свою же дощечку, служившую полкой в коробке. Левую сторону лица обдаёт жаром, улицу немного ведёт в сторону, и Джонни хватается руками за бак, после чего тут же получает кулаком под дых и осаживается на колени.

— Оставьте его! — слышит он чистый властный голос, не терпящий пререканий.

— Ты в своём уме, старуха, ты же сама говорила… — лепечет худощавый тип, в котором Джонни по голосу узнаёт Сенсея, но закончить болтовню ему не позволяют.

— Пошёл вон! Он мой. И соплежуев своих забирай!

— Корне…

— Вон! — выдыхает диафрагмой женщина, вызвав пронизывающее эхо от кирпичных стен переулка.

Три пары тощих ног шуршат мимо Джонни, одна из которых всё-таки пинает его ещё раз в живот. На всякий случай. Он корчится на холодном асфальте ещё пару минут, прежде чем может нормально вдохнуть. Картинка мира постепенно собирается и обретает контуры. Джонни садится. Перед ним стоит Корнелия, облокотившись на бак. Её длинная юбка закрывает излишне худые ноги, ровные плечи окутывает потёртый клетчатый пиджак, весь её вид вызывает уважение. У неё осанка королевы, никак не старухи.

Она присаживается к Джонни и смотрит на его лицо, проводит по щеке ладонью, слегка нажимая пальцами на челюстной сустав, проходит рукой по подбородку и нажимает пару раз туда, где рассечена губа. Он не чувствует боли, всё онемело, голова чугунная.

— Выживешь, — подводит она итог.

Корнелия вытаскивает из сумки какой-то флакон с терпко пахнущим средством и осторожно мажет его лицо, распространяя травяной горьковатый аромат по всему переулку.

— Спасибо, — произносит он по окончании.

— Выпить хочешь?

Корнелия убирает флакон и достаёт бутылку его любимого «Ред Лейбл».

— Нет, благодарю, я не пью, — отвечает Джонни.

Корнелия прячет бутылку назад в сумку и оглядывает его жилище.

— Она ушла, да? — догадывается женщина, и хоть ответа не требуется, он качает головой. — Найди её, Ричард, у вас с ней связь.

Он ошалело смотрит на неё, не зная, чем он больше поражён: информацией из её уст, чистому низкому голосу Корнелии или своему настоящему имени здесь, в переулке у мусорного бака.

Спустя полчаса, он лежит и смотрит в серый гофрокартон коробки над своей головой. Сон не идёт. Он задыхается от событий последней недели, будто жизнь, устав от его пассивности, получила разрешение наверстать упущенное за десять лет, и теперь молола его в жерновах глобальных перемен. Он не успевает адаптироваться, не имеет возможности сделать стоп-кадр и осмотреть сцену, где происходят действия. Люди и декорации меняются с такой скоростью и настолько глубоко западают в душу, побыв с ним всего день, два или полчаса, что ему кажется, будто он живёт на ускоренной съёмке. Всё важно, всё складывается в единую картину, случайностей нет и быть не может. От него требуется лишь доверять движению и не плошать, как сегодня, иначе будешь жевать свои зубы в тёмном переулке.

Что случилось с Корнелией? Каких демонов он разбудил в ней, что она целый час проплакала у него на груди, а потом спасла ему жизнь? Её голос, некогда скрипучий и мерзкий с лёгкой писклявостью, теперь стал тягучим и бархатистым, женским, без примесей и помех. Этим голосом можно петь со сцены, вещать с трона или раздавать указания отважным рыцарям. Он вдруг интересуется жизнью той, которую назвать теперь каргой не поворачивается язык. Как она попала сюда? Откуда?

И кто он сам теперь, Джонни или Ричард?

Онемение разбитого лица проходит, уступая место пульсирующей боли. Корнелия сказала, что он выживёт, ощупывая его лицо очень профессиональной медицинской хваткой. Вероятно, она проверяла кости на переломы. Откуда у неё это?

Вообще все люди вокруг странные. Те, кого, казалось, он знает много лет, изменились в одночасье так, что Джонни не уверен вообще ни в чём: друзья и враги перемешались и сплелись очень тесно, не позволяя теперь судить однозначно.

Он закрывает глаза, в надежде уснуть.

— Добрых снов, Селина, — шепчет он в темноту.

День 6

Утро встречает Нью-Йорк серым ватным небом с лёгким намеком на дообеденный дождь. Джонни поднимает голову и продолжительное время наблюдает за бегущими между кирпичных стен свинцовыми облаками, лениво облизывающими потолок планеты. Сейчас он понимает наверняка, что в двухкомнатном жилье больше не нуждается. Собрав весь скарб в одну картонку, он ставит лишнюю пока что вторым ярусом, намереваясь отдать её в добрые руки.

Около семи утра он садится на автобус до объекта, понимая, что ему слоняться там минимум полчаса, но Джонни это не сильно трогает, лишь бы дождь не начался. Он выходит раньше на одну остановку и решает прогуляться пешком.

Нещадно чешется лицо. Он вспоминает, что его бритвенный станок лежит и ждёт особого часа, который, наконец, пробил. Почему раньше его борода не доставляла таких хлопот? Бывало, она отрастала до самой груди, но никогда не зудела так сильно.

Он идёт и чешет левую щёку, пока не вспоминает, что вчера именно на неё пришёлся удар полкой. Однако сейчас боли нет. Он бы вообще не вспомнил инцидент, если бы согласился на пару глотков виски от Корнелии и слегка залил мозг туманным пойлом. Джонни трогает языком рассечённую губу, удостоверяясь, что вчерашняя сказка о доброй злой королеве ему не приснилась. Он ищет глазами хоть одну отражающую поверхность, чтобы оценить свой внешний вид, и находит боковое зеркало ближайшего автомобиля.

Корнелия ведьма. Что за зелье она намазала вчера ему на лицо, он не знает, но сегодня оно чистое, даже синяка нет. Изнутри губа разбита, но уже заживает, и это — всё, чем ему пришлось расплатиться за свою беспечность, хотя удар доской был настолько хорош, что сегодня должно было разнести левую половину лица как минимум вдвое. Поразившись чертовщине, Джонни двигается в точку назначения.

У строительных ворот стоит бригадир и встречает работников по табелю, сразу распределяя людей на рабочие зоны. Он улыбается новичку и указывает путь.

Сегодня Джонни достаётся погрузка мусора. С ним ещё два мускулистых парня: лысый чернокожий Хелл и блондин Тони. Они настолько контрастируют друг с другом, что их прозвали на объекте ангелом и демоном, к тому же Хелл и именем близок к теме, хотя на лицо более миловидный, улыбчивый и приветливый, нежели его светловолосый хмурый друг с квадратной челюстью и губами, сжатыми в нитку. На их фоне щупленький Джонни вызывает как минимум жалость и усмешки, но их это не смущает, они не дают ему поблажек в работе, плата всем одна. Грузчики так ловко распределяют работу, что к обеду её не остаётся, зато в карман падает по сто пятьдесят долларов каждому — дневная выручка. Они объявляют рабочий день законченным, принимают душ, переодеваются, и покидают стройку, не оставаясь на обед.

— Если тебя эти парни не ушатали, можешь пойти на сортировку, это ещё семьдесят баксов за полдня, — предлагает ему бригадир после обеда.

Хоть он и порядком устал, лишние деньги не лишние, к тому же строительный бесплатный обед неплохо заполнил бак топливом.

Вечером абсолютно выжатый и истощенный до дрожи в неподготовленных мускулах Джонни стоит под струями душа на объекте довольный собой. Он благодарит вселенную за эти возможности, Доусона за помощь, а Селину за стимул и какую-никакую цель в жизни.

Сегодня он пропустил обед в социальной столовой, чего не случалось уже очень давно: это единственное общение с людьми в его жизни, помимо посиделок на остановке. Ему очень любопытно, как прошёл там день, настолько, что он сообщает начальнику, что завтра придёт с обеда и приведёт ещё рабочие руки, которые здесь всегда в ходу.

В автобусе к дому Джонни засыпает. Ему снится отчим, такой родной и преданный мужскому началу, но далёкий сейчас. Во сне он учит мальчика сажать деревья в саду.

— Всё верно, Ричард! Не жалей воды после посадки, молодое деревце любит обильно попить! — хвалит он, хлопая его по плечу.

Он хлопает его ещё раз. И ещё. Джонни вздрагивает и просыпается.

— Приятель, конечная, — нависает над ним невысокий плотный мужичок в оранжевой жилетке водителя автобуса.

— Спасибо, — бормочет он и выходит у автобусного депо, которое соседствует с железнодорожным вокзалом пригородных поездов.

Должно быть, отсюда уезжала Селина, покидая Нью-Йорк. Сейчас, спросонья, она кажется ему такой близкой и реальной, будто он видел её только что. Джонни закрывает глаза и представляет, как девушка, смеясь, оборачивается на него и идёт вперёд к поездам, посылая воздушный поцелуй на прощание.

Ну и бред. В свои тридцать девять лет он чувствует себя шестнадцатилетним влюблённым мальчишкой. Джонни решает пройтись пешком до переулка, чтобы выветрить фантомов из головы. Он уже толком не знает, реально ли её присутствие в его жизни, или он бредит, придумывая себе привязанность к девушке.

Имея в кармане почти триста шестьдесят долларов, глупо спать в коробке за мусорным баком. Джонни усмехается своим мыслям, потому что думает теперь о безопасности: у него есть, что забирать. Забавно, что деньги для него кажутся бóльшим весом, чем собственная жизнь, ведь за последнюю он не сильно переживал многие годы, ночуя здесь. И тут же в голову лезут потребности: сменное бельё, рюкзак для барахла, мобильный телефон для связи, мыло, в конце концов! Ещё неделю назад он вполне сносно обходился без денег вовсе, мечтая лишь о новой обуви, а теперь считает имеющиеся средства недостаточными для удовлетворения всех своих нужд. Система поглощает его.

Он ложится в картонные недра своего дома и закидывает руки под голову, предвкушая маячащую на горизонте стабильность. Такими темпами его планы окупятся за пару недель непрерывного адского труда до бессилия в конечностях. Завтра нужно спросить у Доусона, сколько стоит услуга его знакомого копа по поиску Селины, после восстановления документов это для него первостепенный вопрос.

День 7

Утром Джонни просыпается от всхлипываний. Рядом с ним на асфальте сидит Селина, уронив лицо в ладони, и горько плачет. Он протягивает к ней руку и гладит плечо. Девушка открывает лицо и встречается с ним взглядом.

— Мне тебя так не хватает, Ричард! — поскуливает она, вытирая ему лоб влажным полотенцем. — Не умирай, пожалуйста! У меня больше никого не осталось…

Она снова плачет. Джонни поднимает к глазам руки, покрытые пигментными пятнами, морщинистые, с желтоватыми ногтями, вскрикивает и просыпается.

Рассвет только занимается над городом, подкрашивая небо едва уловимым зеленоватым тоном. По его ощущениям около четырёх утра. Тошнота и бессилие накатывают от этого странного сна. Он буквально ощущает её рядом, не в состоянии успокоить или сказать, что всё наладится, и он не собирается на тот свет. Джонни трогает лоб, который оказывается холодным и влажным, будто с него только что сняли то самое мокрое полотенце.

Не в состоянии отличить сон от реальности, он выскакивает из коробки и несётся к ближайшей зеркальной витрине, чтобы оценить своё отражение. Кроме излишней бледности и едва заметной раны на губе, ничего выходящего за рамки его косматого образа жизни Джонни не видит.

Вернувшись в переулок, он берёт щётку, застилает кровать покрывалом и несёт вторую коробку по пустынной улице. Через полтора квартала он приземляет её между мусорных баков Корнелии, но не беспокоит её, а направляется к уличному фонтанчику, чтобы умыться.

Вспоминая свой странный сон, Джонни возвращается к коробке разбитым и потерянным: неужели он считает себя для Селины слишком старым? Даже обдумывать эту мысль нет сил, чистой воды ерунда.

В нерабочие времена у него даже вопросов не возникало, зачем вставать в четыре тридцать утра: это волшебное время Джонни любил больше всего, когда город начинает отряхиваться от ночного сна, точно заросший блохастый пёс, и пялиться на него своими пустыми тёмными глазницами спящих окон домов. Даже менее волшебными для него были часы пик на остановке. К тому же теперь он числится по эту сторону улья, в системе — временная надежда, что шаг его шестерней нужный.

Сегодня же он попросту не знает, что делать ранним утром. Время благостно для того, чтобы проводить осмотр мусорных баков, особенно тех, что стоят не на твоей территории, но после инцидента с рвотной реакцией на запахи, Джонни перестал рисковать, очень трепетно теперь оберегая содержимое своего желудка. В принятии душа он тоже не нуждается, имея возможность пользоваться этим чудом цивилизации на строительном объекте. Магазины откроются только с девяти утра, а то и с десяти, а столовая и вовсе в час дня.

Сидя рядом с коробкой, он прикрывает глаза, сосредоточившись на ощущениях. Ладони и стопы слегка пульсируют, словно чувствуют биение сердца, кожа лица освежается лёгким движением воздуха, а зад — холодом осеннего асфальта. Он сидит так долго, решая заняться собой, окунуться в колючие мысли и попробовать их на зуб.

К слову, зуб не сильно готов к ним. Как только он отвлекается от реальности, в голове начинают блуждать голоса разных людей, далеко не лестно о нём отзывающиеся. Конечно, сейчас Джонни может дать им отпор, но смысла в таком противостоянии нет: какой толк спорить с самим собой? Разве что для того, чтобы загреметь в психушку, лишь бы не спать на улице.

В просвете между стен домов начинают мерно шуршать шаги первых прохожих, спешащих занять своё место под ленивым только начинающим всходить солнцем. Следом слышится шум двигателей проносящихся одиночных автомобилей, а за ним и эхо от стука каблуков пер-

вых туфель, несущих свою изящную хозяйку в чей-то офис с кулером и кондиционером. Город постепенно оживает.

Джонни открывает глаза на городские звуки и удивляется, насколько ему стало спокойней после мирного отдыха. Голова прояснилась, мысли упорядочились, и тошнота, охватившая его естество сразу после пробуждения, отступила, зато в душе возникло приятное тепло и непонятная близость с миром, будто он был частью всего, а всё — было им. Он улыбается своему состоянию, радостный новому дню.

Ответы, чем дальше заниматься, приходят сами собой. Он направляется в лавку с тысячей мелочей, из которых намеревается купить как минимум девятьсот девяносто девять. Путь до магазина составляет три квартала на восток, как раз на территорию Сенсея, но Джонни это больше не трогает. Он не претендует на чужое имущество из баков, но намеревается отовариться в обыкновенном магазине за вполне себе реальные деньги. Последний раз, если не считать обувного магазина в компании Селины, такое событие было больше четырёх месяцев назад, и товаром для покупок являлся его любимый «Ред Лейбл». Вспомнив об алкоголе, Джонни удивляется, что ему даже в голову не приходит пропить деньги, заработанные на стройке. Это уже кажется нереальным, чего ради? То есть, он вообще не может понять, зачем пропивать деньги или имущество, это совершенно непродуктивные траты.

До смешного! Ему пришлось опуститься в самый низ, чтобы найти ответ. Он теперь понимает, почему от него отвернулись друзья и семья: образ жизни, который он для себя выбрал после аварии, вызывал рвотную реакцию и являлся категорическим безумством! И ему даже немного жаль, что мать не успела сдать его наркологам.

— Эй, Уокер! Уокер, постой!

Джонни даже подпрыгивает от неожиданности. Кто бы мог подумать, что окрикивают таким странным именем именно его? Сенсей, которого он даже не заметил, пока шёл погружённый в свои мысли, стоит, сгорбившись, и заискивающе глядит на него лукавыми суетливыми глазёнками.

— Что тебе? — рычит Джонни.

— Эй, ты на моей территории! — встаёт в позу бородач.

— Ты что арендовал асфальт? — огрызается гость. — Где твои тощие головорезы? К ноге одного из них у меня должок!

Сенсея штормит. Он не знает, чего ожидать от Уокера, поэтому до конца не может выбрать манеру поведения, то нападая, то подлизываясь. Вот и сейчас он оценивает сказанные слова, но реакция давно и продолжительно пьющего мозга запаздывает, отчего создаётся впечатление, что Сенсею дают указания, как отвечать, через старенький модем. Он оценивает диалог и снова меняет выражение лица.

— Ты нас не тронь, Джонни. Это всё карга, она чокнутая на голову, ты же…

Сенсей не может договорить, потому что висит за грудки в воздухе.

— Её имя — Корнелия, — сообщает Джонни висящему тихим голосом. — Она не карга.

— Я понял, — хрипит тот в ответ, а, почувствовав снова асфальт под ногами, поправляет полы куртки и снова нападает. — Ты тоже чокнутый! Она говорила, что ты её чуть не придушил! Что район в опасности!

— И что ты решил? Убить меня?

Сенсей снова жмётся и сутулится. Это походит на бесконечный шизофренический театр, будто Джонни говорит одновременно с двумя совершенно разными людьми, один из которых отвоёвывает границы, а второй пытается договориться и минимизировать последствия проблем. Ему даже не хочется мстить за рассечённую губу, до того ничтожно выглядит собеседник со своими масками.

— Нет, Джонни, что ты! Я бы никогда! Я просто хотел…

— Показать, кто здесь хозяин, да? — не даёт ему договорить Уокер. — Ну, покажи!

— Что ты от меня хочешь? — оседает Сенсей, выдохшийся от собственных метаний.

— Ничего. Это ты меня окликнул, помнишь?

Бородатый совсем сникает. Он не знает, зачем это сделал.

— А ты куда идёшь? — снова атакует Сенсей.

— Не твое дело, — отбривает шизофреника Джонни и двигается вперёд в сторону магазина, но, обернувшись, бросает напоследок: — Тому с ногой скажи, что я его запомнил.

Уже через пару сотен ярдов он понимает, что не испытывает никаких эмоций в их адрес. Он не помнит, кто его ударил, и не имеет ничего против Сенсея, несмотря на инцидент у своего бака. Ему вообще наплевать на эту команду алкоголиков. Но Джонни должен играть по правилам: либо держи оборону, либо будешь сожран. Уличная жизнь не знает полумер.

Магазин встречает его привычным ассортиментом вещей, которыми он не пользовался уже несколько лет. С полок на него смотрит кухонная мелочёвка: ножи и ситечки для чая, пластиковые разделочные доски и дешёвые венчики для взбивания, сетки на сток раковины, штопоры и затычки для бутылок, бесконечная вереница одноразовой посуды, различные бытовые примочки вроде магнитных держателей занавесок или подставок под мобильный телефон, резиновые перчатки, шапочки для купания и шторки для ванны, кипы некачественного почти одноразового инструмента, детские игрушки из вонючего пластика и многое другое. Это заведение напоминало бы большую городскую свалку, если бы не навешенный ценник на каждый мусорный товар.

Джонни отоваривается на внушительную сумму. Он покупает новую зубную щётку и комплект бритв, мыло и мочалку, складной нож, ручку и блокнот, и ещё гору всяких нужных вещей. Пакет с покупками надёжно покоится у Джонни в руках, когда он проходит логово Сенсея. Он заглядывает в переулок и замечает, что этот тип обзавёлся скамейкой, металлической и тяжёлой, гордо стоящей на месте коробки. Хозяина там нет, что Джонни очень на руку, уж очень сильно он провоцирует на негуманные действия к своей персоне.

По дороге к дому он заходит в спортивный магазин со скидками и приобретает большой рюкзак для вещей, пару футболок и носков.

В своей коробке Джонни упаковывает обновки. Он, наконец, выкидывает свою куртку, которая уже настолько истрёпанна, что греет через раз, а то и через два, и её место занимает новая чёрная утеплённая ветровка с логотипом магазина электроники на спине, в которой ходила Селина. Он переносит содержимое карманов из одной куртки в другую, дополнив часами, дешёвенькими, но исправными, купленными за бесценок в магазине мелочёвки. Бритвы и щётка из того же магазина отправляются в рюкзак вместе с посудой, тёплыми перчатками, сменным бельём и мылом. Мужчина пересчитывает оставшиеся деньги — немногим меньше двухсот восьмидесяти долларов.

Заглянув в коробку и оценив содержимое, Джонни понимает, что он, по всей видимости, собрал вещи, чтобы уйти с улицы. В шатком жилье остаются лишь матрас, подушка и покрывало. Он только сейчас осознаёт, к чему эти лишние телодвижения с покупками: Джонни обживается бытом и готовится к переезду. Странно, потому что переезжать ему некуда. Из всех возможных мест, от ночлежки до полицейского участка, самое удобное — это его коробка.

Ещё слишком рано для социальной столовой, и Джонни решает прогуляться по городу. Он глазеет на витрины магазинов, бесцельно наворачивает мили и придумывает себе лишние кварталы и переулки. Это нерационально с точки зрения энергозатрат, ведь каждый пройденный ярд ему придётся возместить пищей. Но Джонни это не заботит, он знает, что теперь он свои ноги точно прокормит.

Ведомый каким-то странным порывом, Джонни сворачивает с главной улицы на второстепенную и двигается вдоль кирпично-красных стен жилых домов. Город, который раньше вытряхивал из жильца подворотни волю и дух, теперь бережёт его спокойствие, словно в награду за дерзость. Он дышит Джонни в спину, принюхивается к изменившемуся экспонату,

изучает его и обнимает узкими переулками. Душный и дымный, серый и многоэтажный, прожорливый и вездесущий Нью-Йорк поворачивается, словно бриллиант, всеми своими гранями, красуясь и восхваляя себя.

Мимо проплывают жилые дома и кафетерии, аптеки, подземные входы в ночные клубы, странные магазины непонятного назначения с затёртыми зелёными табличками, изображающими травы и головы змей, спортивные учреждения и просто голые двери в стенах зданий. Сотни помещений за сотней закрытых дверей скрывают сотни видов человеческих страхов и чаяний.

Прогуливаясь по одной из маленьких улочек, Джонни находит вывеску о распродаже. Дисконт до семидесяти процентов, успей купить! И он успевает! Кожаный ремень и две пары новеньких джинсов, одни из которых он надевает сразу, а вторые убирает в рюкзак. Его бюджет худеет ещё на сорок баксов.

Кусты и деревья тянут свои корявые лапы к его новой куртке, а парящие решётки канализаций норовят если не снять с него новую обувку, то промочить поднимающейся влагой только что купленные джинсы. Новенький человечек в старом городе, смешно.

Когда он подходит к очереди в столовую, его друзья по несчастью, ещё недавно глядящие на него ровно и спокойно, косятся и перешёптываются, но ему по большому счёту всё равно. Он пришёл не столько за едой, сколько за общением. Впереди стоят Фил с Доусоном, а сзади подходят Билли с Растаманом. Отлично, вся команда в сборе!

Девушка с номерками идёт вдоль очереди, а когда доходит до Джонни, смерив его взглядом с ног до головы, улыбается ему. Но картонку даёт. Он улыбается в ответ, и этот жест ему больше не кажется диким или непривычным, он чувствует себя отлично.

В конце очереди снова возня, голодным опять не достаётся картонки, обещающей обед. Возня жалостливая и слезливая, умоляющая, мягкая. И женственная. Джонни оборачивается и видит очень сухую представительницу прекрасного пола лет шестидесяти, которую девушка в жёлтой куртке волонтёра даже приобнимает, потому что её очень жаль. Женщина выглядит хорошо, видимо, подтолкнули её к постыдному выходу исключительные обстоятельства.

Девушка ведёт даму в обнимку вдоль очереди. Когда они проходят мимо, Джонни вкладывает в её руку двадцатидолларовую купюру. Она сначала пугается, ошалело смотрит на него и на девушку. Да и девушка смотрит на него подобным взглядом, говорящим: если у тебя есть лишние двадцать долларов, что ты делаешь в этой очереди? Но потом девушка понимает, что внимание в этой ситуации требуется не ему, а женщине. Она одобряюще гладит ей плечо.

— Берите, не стесняйтесь. Бог всем даёт заслуженно.

В глазах женщины сверкают слёзы. Она благодарит Джонни порядка пятидесяти раз и идёт дальше с девушкой, обещавшей ей другие адреса социальных столовых, бумажки с которыми она оставила в здании.

Сзади к Джонни обращается совсем плохо выглядящий мужичок, опухший, с синяком под левым глазом:

— А у тебя есть ещё двадцать баксов?

От него разит переваренным спиртным, застарелым по́том и стоялым городским туалетом, и подобное амбре теперь непривычно бьёт в нос Джонни зловонным кулаком.

— Нет, это были единственные, — лжёт он, морщась.

— Жаль, — чмокает тип, а потом, подумав, возмущается: — Ты что отдал незнакомой ноющей старухе последние двадцать баксов?

Начинается! Эта очередь стервятников не любит милосердия, если оно проявлено не в их сторону. Джонни знает, что любые непредсказуемые махинации очень чреваты: могли отобрать и номерок, и деньги.

— Да, — равнодушно продолжает он врать.

Джонни думает, если бы это действительно были последние деньги, поступил бы он так? Да, даже вопроса не возникает. У него есть возможности добыть финансы, а у неё, очевидно, нет. Сегодня его ответ «да».

— Ты больной что ли? — не понимает пьянчужка. — В смысле, из этих, со справками?

— Да, — снова спокойно соглашается он.

— Тогда ты можешь отдать мне свои ботинки, раз у тебя нет денег, — облизывается собеседник и крякает от смеха на свою же шутку.

— Я могу подбить тебе второй глаз, если не отвалишь, — предупреждает Джонни и так же выразительно крякает, передразнивая зачинщика.

Улыбка уплывает с его беззубого рта, и тип, взвесив все обстоятельства, отстаёт, предпочитая драке спокойный обед.

Дверь открывается, и толпа голодных мерным пингвиньим шагом движется в оплот чистоты, тепла и питания. Кормёжка — святое время для идиотов.

На обед овощная похлёбка, макароны с подливой, груша и два стандартных куска хлеба. Джонни несёт еду к столу, где его уже дожидаются Фил и Доусон. Оба хмуро смотрят на него, когда он ставит поднос. Вскоре подходят и Билли с Растаманом. Эти уже не молчат из чувства такта.

— Ты дурной, Джон? — серьёзно спрашивает Растаман. — Ты в курсе, что сегодня тебя провожать нужно, чтобы твою шкуру не поколотили и не обчистили?

— Что с меня взять-то? — пытается отшутиться Джонни, но, перехватив взгляды всех присутствующих за столом, осекается и замолкает.

— Ты всё сделал правильно, — бурчит в тарелку Фил. — Просто в этом мире такие поступки кажутся дикими.

Все оборачиваются на него, прекратив жевать.

— Что? — не понимает он. — Вы бы не помогли немощной женщине, будь такая возможность? Вы, у кого есть руки и ноги для работы?

Все молчат.

— Парни, может мы все здесь именно поэтому? — догадывается вдруг Малыш Билли. — Мы привыкли считать себя обделёнными жертвами непримиримых обстоятельств, грести всё к себе. А вселенная так не любит.

— Но что мы можем ей дать, твоей вселенной, если у нас ничего нет? — спрашивает Растаман удивленно.

— А на какой стадии можно считать, что у нас что-то есть? Ведь Джонни прав! У него было — он помог. Всегда есть люди, кому ещё хуже! — оттаивает Билли и снова улыбается.

— Тебя завтра не пустят в очередь, — сообщает Фил Джонни. — Там сзади нас переговаривались, что ты не первый раз уже выделываешься, голодные себя так не ведут.

— Ну и наплевать, — отвечает тот. — Я вообще пришёл с вами пообщаться, для этого, я полагаю, можно и не брать номерков.

— О чём же ты хотел поговорить? — спрашивает настороженно Фил.

— Ни о чём конкретном. Просто вчера не смог сюда попасть, будто месяц вас не видел!

— О, дорогой, мы тоже по тебе скучали! — манерно и женственно гладит его по плечу Растаман.

Все гогочут, даже Джонни не выдерживает и прыскает от смеха. Очень комично слышать такой тонкий голосок от заросшего косматого мужика с квадратной челюстью в вековой щетине.

— Что хорошего можно делать в наших условиях для людей? — вопрошает Джонни, когда смех иссякает.

— Например, можно пойти в столовую волонтёром, раздавать номерки, это не дело для молодой девочки, слишком опасно, — предполагает Билли.

— Можно качественно строить дома на стройке, ещё и бабки за это получать, — заявляет Доусон.

За столом снова царит дружественная атмосфера, и Джонни расслабляется. Он любит этих парней всем сердцем, а сейчас — тем более.

— Растаман пойдёт в актрисы! — выдаёт он с улыбкой.

— Ага, ко мне в штат. Я ведь планирую открыть кинокомпанию, если кто не в курсе! — присоединяется Фил.

— Все в курсе, Мертвец! — гудит Растаман.

— Это ты в курсе. Но ты — это не все!

Растаман встаёт в полный рост, брякает посудой, привлекая к себе внимание столовской аудитории, как на свадьбе, и громогласно на всю столовую спрашивает:

— Кто знает, чем планирует заниматься Мертвец?

Недюжинная наглость — себя вести подобным образом в месте для ущербных, но система и так уже трещит по швам после выходок Джонни. Со всех сторон раздаются шёпот, смешки и одиночные выкрики:

— Фильмы снимать… От него жена ушла!.. В Голливуд уедет… Принесёт денег от корпораций… А меня он в массовку звал… Когда уже, а?.. Говорил, когда денег накопит!.. А сколько уже есть?..

Несколько десятков глаз смотрят на Фила, и он втягивает голову в плечи по самые уши, как нашкодивший котёнок.

— Ладно, Растаман, сядь от греха подальше.

Растаман с улыбкой до ушей плюхается назад на складной стул, сваренный из алюминиевых дуг, и противный лязг металла о каменный пол сопутствует этому.

— Сколько тебе нужно денег, чтобы начать? — интересуется Джонни.

На этот раз замирает не только их столик, вся столовая перестаёт брякать ложками, многие поворачивают к ним уши, глаза и иные сенсоры — кто чем наблюдает этот мир.

— Ты раздаёшь рождественские подарки, Джон? Подожди ещё пару месяцев до декабря, только Санта-шапку не забудь! — отшучивается Доусон.

— Нет, я не раздаю. У меня нет таких возможностей. Парни, я серьёзно! Как можно улучшить этот кошмар, а? Начать с себя. Вот ты, Билли, пойдёшь волонтёром? Для этого не нужно уставного капитала, — рассуждает Джонни.

Снова брякают ложки. Философия здесь никому не интересна, нужны пути удовлетворения животных потребностей и наслаждений здесь и сейчас, а думающих и желающих работать тут нет, они в другой ячейке общества.

— А, может, и пойду! — восклицает Билли. — Занятости у меня особой нет. Почему бы и не придумать себе дела?

— Выгуливай собак за деньги, — фыркает Фил.

— Лучше приют открою, — заявляет Билли.

— Это убыточно, приятель, — выдаёт Доусон с набитым ртом. — Через месяц вложений будешь сам питаться либо собачьим кормом, либо своими подопечными из приюта.

— Какой капитал нужен для начала? — не унимается Джонни.

— Откуда мне знать? А сам ты чем бы хотел заняться, Джон? — спрашивает его Билли.

— У меня юридическое образование… — вспоминает он. — Но, наверное, за эти годы и законы уже изменились.

— Что ты здесь, чёрт тебя дери, делаешь с высшим юридическим, Джонни? — отрывисто и злобно рычит на него Доусон, словно он расточительно растрачивает ресурсы честных налогоплательщиков.

— То же, что и все, — смущается тот, кто ни с кем не делится своими историями, никто даже не знает его настоящего имени, кроме Корнелии теперь. — А ты, Доусон, чем занимаешься? И почему с твоими связями у тебя нет занятий?

— Мне нужно пять тысяч долларов, я коплю на мечту, — просто отвечает он.

— Расскажи! — просит Билли, и в глазах его мелькает огонёк, словно перед рождественским чудом.

Доусон вытаскивает из-за пазухи смету и передаёт Билли. Бумаги, естественно, идут по столу и возвращаются владельцу назад под куртку.

— Это очень круто! — выдыхает Джонни.

— Просто это реальность, понимаешь? Если ты хочешь двигаться вперёд, а ты хочешь, — Доусон делает паузу, глядя ему в глаза, — нужна конкретная цель для себя. Прописать, посчитать и работать над этим.

— Значит, пять тысяч? Для собачьего приюта, думаю, тоже бы хватило. А ты чем хочешь заниматься? — донимает Билли Растамана.

— Я же актрисой к Мертвецу пойду, забыл? — смеётся он, но потом отвечает более серьёзно: — Хочу свой цветочный магазин. Маленький, уютный, с двумя наёмными девочками-флористками. Чтобы приходить утром, вдыхать пыльцу, слышать шуршание обёртки и радовать женщин букетами.

Эта фантазия выдёргивает из хмурого мира всех обедающих за столом. Она оказывается настолько реалистичной и волшебной, что даже выбивает из рук вилки, оставляя за собой шлейф аромата лилий и роз.

— Рыженькие, — выдаёт Фил влюблённо.

— Что? Ты о чём? — включается Доусон.

— О флористках. Они будут рыжие и кудрявые, — добавляет Фил с такой нежностью в голосе, будто только что вляпался в розовое облако.

— Ей, чувак, это мои флористки! Почему они должны быть рыжие? — ревностно отстаивает свою цветочную лавку Растаман.

— Неожиданно, — протягивает Джонни и снова начинает скрести вилкой еду.

Макароны остыли. Волонтёр, стоявший на раздаче чая, перехватывает взгляд Билли и указывает на часы. Тот всё понимает, бежит к его столу и тащит чай и сахар на всех.

— Я думаю, мне бы пяти тысяч тоже хватило на начальном этапе, — соображает Фил, пока делят стаканы с кипятком.

— Тебе? Одна кинокамера съест половину бюджета! — восклицает Растаман, макая пакет с чаем в горячую воду.

— Не съест, если её оформить в лизинг. Тогда это и выйдет дешевле, и позволит сдуть налоговую базу, — рассуждает Джонни, и все смотрят на него. — Что?

— Если бы я не знал, что у тебя нет мобильного, я бы попросил у тебя его номер для консультаций по юридическим вопросам, — сообщает Фил.

— Я приобрету его в скором будущем, — обещает Джонни.

После обеда все идут на стройку. Вдохновляющие беседы породили стимулы для работы руками.

— Доусон, сколько берёт за поиск человека по базе твой знакомый из полиции? — интересуется Джонни в автобусе по дороге к объекту.

— Я спрошу. Последняя цена была полторы тысячи, но это было два года назад.

— У тебя что-то всё по полторы тысячи! — ворчит Фил излишне звучно. — Это не тот, который липовые документы делает.

Доусон одаривает его выразительным взглядом и вертится по сторонам, не слышал ли его реплики кто-то ещё. Нет, автобус практически пуст, а те единичные персонажи, что делят с ними транспорт, находятся далеко и не обращают на опрометчивую речь никакого внимания.

— Я тебя не знаю, если будешь орать о таких вещах, — шипит он на Мертвеца, а следом провозглашает театрально под хохот собравшихся: — Не представляю, о чём ты говоришь!

На объекте Джонни сразу забирают в команду Хелла и Тони. В прошлый раз они остались довольны новобранцем и вышли сегодня ради такого дела с обеда, а не с утра.

Он возвращается к друзьям только к вечеру. Им тоже разрешают принять душ в строительной ванной, и команда обсушивается в раздевалке, общаясь и радуясь деньгам в кармане.

— Значит, пяти тысяч на всё будет достаточно, — подводит итог обеденных рассуждений Фил.

— Нам с Билли можно пять на двоих, правда, Малыш? — уточняет Растаман у друга и хлопает его по плечу.

— Сколько тебе лет? — спрашивает его Джонни, желая понять возрастную разницу между ними.

— Ты опять играешь в эти игры? Ты ещё не ответил, как тебя зовут, — пресекает любопытство Растаман.

Джонни смущается, вспомнив инцидент. Сейчас он не понимает, как образовалась та ситуация: зачем он вообще полез в бутылку, но потом, просунув башку, почему не забрался весь? Так теперь и ходит с бутылкой на голове, словно космонавт в неудачно спроектированном шлеме.

Что такое имя для него? Никто ведь не знает, можно было выдумать любое, сродни Джонни Уокеру. Но это не было бы правдой. А правда была в том, что он не ощущает себя тем, кто есть. Джонни гораздо ближе. И сил возвращаться назад или двигаться вперёд, смирившись с прошлым, он пока в себе не наблюдает.

— Мне тридцать четыре. Какое это имеет значение? — подаёт голос Растаман.

— А мне тридцать девять, — отвечает Джонни. — Я не сказал своего имени, потому что я его не знаю, Бенджамин. Не сердись. Мне сейчас Джонни гораздо роднее, чем Ричард, и в этом есть огромная проблема.

— Почему мы сегодня — именно сегодня! — обсуждаем такие важные для нас вопросы? — тревожно вопрошает Билли. — Так обычно судьба складывается, когда в компании назревает потеря. Столько лет общались, а сегодня…

— Не дрейфь, парень, это ничего не значит. Правда, ведь? — ищет Фил поддержки у команды.

Но ответа нет. Каждый из них ощущает, что сегодняшние мечты, имена и планы сблизили их, дали какую-то единую нить дальнейшего движения. Ты теперь не мог просто пройти мимо, ты знал, что с этими людьми тебя объединяет некий свет. Сегодня они подсветили друг другу мечты, открыли сердца. Они поделились такой энергией, когда один плюс один равно одиннадцать, синергизм в чистом его проявлении. Дальнейшая жизнь не могла оставаться прежней, сегодня они все встали на стартовую подставку в смешной позе бегуна, ожидая свистка арбитра.

Пятеро взрослых мужчин без места жительства, с пятью разными планами на существование сидят в полотенцах в строительной раздевалке и чувствуют такую близость, будто, при наличии семей с жёнами и детьми, только что все вместе отымели одну шлюху на пятерых. Связавшее событие сделало их подельниками, но закрыло рты, запретив обсуждать это с кем-либо ещё.

Со стройки друзья едут на трёх разных автобусах.

Джонни остаётся один. Он лениво смотрит в окно, наблюдает за прохожими, за отражением автобуса в зеркальных витринах зданий. На остановках люди. Они общаются, смеются и курят сигареты. До его дома оставалось три остановки, когда на тротуаре среди прочих прохожих он видит знакомый силуэт: шифоновая цветочная юбка ниже колена, голубая джинсовая куртка, казавшаяся совсем не слишком лёгкой для осени в Нью-Йорке, и тёмно-зелёные

сапожки с цепочкой на пятке. Её слегка волнистые волосы рассыпаются по плечам так же, как тогда в прачечной. Селина улыбается миру, шагая вдоль дороги.

Джонни вскакивает с сидения и ломится к дверям водителя. Расталкивая людей, он кричит, чтобы остановили автобус немедленно, это срочно, вопрос жизни и смерти!

Суетливый мужчина буквально выпадает из переполненного транспорта, и автобус рывком уезжает дальше по маршруту, потому что высаживать пассажиров вне остановки запрещено правилами, но с косматым мужиком с дикими глазищами связываться никто не хочет.

Заметавшись, он бросается в одну сторону, в другую, но Селины нигде нет. Джонни бежит до ближайшего поворота — тоже пусто. Неужели, показалось? Он трёт лицо руками, прогоняя наваждение. Не могло показаться! Он же не больной, он видел её, даже на лицо посмотрел. Возможно, он снова задремал, и ему всё приснилось.

Чертыхаясь, Джонни идёт к дому пешком.

Странно, что его не преследуют образы прошлого, но ему не даёт покоя девушка, которая была в его жизни всего двое суток, будто у него с ней какая-то связь…

Связь! Корнелия говорила что-то про это, нужно срочно к ней, пока Джонни не тронулся крышей окончательно!

Он идёт бодрым шагом к её логову, почти наверняка зная, что мудрая Корнелия сейчас всё разложит по полочкам, расскажет тайные знаки этих видений, и, возможно, в её сумочке даже окажется флакон с примочками от данного недуга.

Каково же его удивление, когда Джонни обнаруживает, что Корнелии нет в переулке уже довольно долго. Её жилище перекошено, а красное покрывало, которым женщина в своё время очень дорожила, торчит из лежбища наполовину, словно язык из пасти, и собирает на себя следы от случайных ботинок. Коробка, которую Джонни приволок ей пару дней назад, валяется на боку за местом обитания жильца.

Корнелия пропала. Один бог знает, куда её унесло, но это пространство больше не её дом. Джонни заглядывает внутрь, ему всегда было интересно, как живёт эта невыносимая особа. Её дом в рост сгорбленной суховатой женщины, и Джонни приходится нагнуться, чтобы войти, отодвинув шторку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.